

18+

ПОН ДИ СО

БАШЕНКА ИЗ НЕСБЫВШИХСЯ ЖЕЛАНИЙ

Каждый достоин второго шанса!

Хорошее настроение. Азиатский роман

Пон Ди Со

Башенка из несбывшихся желаний

«O2»

2025

Пон Ди Со

Башенка из несбывшихся желаний / Пон Ди Со — «О2»,
2025 — (Хорошее настроение. Азиатский роман)

ISBN 978-5-353-12033-9

Корейский филгуд-роман об исцелении. Бывает ли у тебя чувство, что лучшая часть жизни уже позади, а ты застрял в ловушке собственных ошибок? Друзья детства Чэгён и Тоён не раз мечтали о побеге в тихую деревушку — к другой, настоящей жизни. Мечта сбылась только у Тоёна. А Чэгён так и остался в городе, разрывая молчанием нити своей самой важной связи — с лучшим другом. А потом — звонок. Страшная новость. И мир, который едва держался на соломинке детской мечты, рухнул окончательно. Разбитый и терзаемый сожалениями Чэгён едет в деревню Мокхва, чтобы отыскать призрачные следы Тоёна. Узнать, что с ним произошло. И понять, как жить дальше. Но вместо ответов Чэгён находит таинственную гостиницу. Ее хозяйка предлагает невозможное: шанс вернуть то, что казалось утраченным навсегда... Данное издание является художественным произведением и не пропагандирует совершение противоправных и антиобщественных действий, курение и употребление алкогольных напитков. Курение и употребление алкоголя вредят вашему здоровью. Описания и/или изображения противоправных и антиобщественных действий обусловлены жанром и/или сюжетом, художественным, образным и творческим замыслом и не являются призывом к действию.

ISBN 978-5-353-12033-9

© Пон Ди Со, 2025

© O2, 2025

Содержание

Герои книги	8
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Пон Ди Со

Башенка из несбывшихся желаний

© 2025 Bondiso

All rights reserved. First published in Korea by Dasan Books Co., Ltd.

Russian edition published by ROSMAN LLC.

© ООО «РОСМЭН», 2026

Герои книги

Чэгён – главный герой.

Тоён – его друг.

Хочжон – хозяйка дома отдыха, лисица кумихо.

Чхве Кённан – хозяйка чайной, ведьма.

Ким Инха – житель квартиры 101, клиент чайной.

Лим Суиль – мать Инха.

Ким Чонхван – отец Инха.

Ха Чжонхён – хозяин книжного магазина.

Чи Юмин – жительница квартиры 201, помощница в книжном магазине.

Ча Хёнчжу – подруга Юмин.

Тами – инопланетянка, хозяйка развлекательного центра.

Мун Ису – житель квартиры 202, клиент развлекательного центра.

Сон Тхэён – жительница квартиры 301, хозяйка лавки винтажных сувениров.

Житель квартиры 102 – отсутствует, причину автор объясняет в послесловии.

Глава 1

Здравствуй, деревня Мокхва

Стояла глубокая ночь.

Чэгён ехал за рулем автомобиля по автостраде, освещенной блеклыми фонарями. Тяжелые черные тучи затянули небо. Казалось, они вот-вот прижмутся к земле и задавят собой всё вокруг.

– Твои вещи уже у меня. Давай скорее, вместе позавтракаем, – поторопил его Тоён.

– Да, уже еду.

Чэгён надавил на газ. Промчавшись по безлюдному шоссе, он оказался у подножия высокой зеленой горы. Среди опутавших склон растений находился небольшой въезд в тоннель, а перед ним – гранитная плита с надписью: «Тоннель „Обещание“».

Вспышки рыжего света залили автомобиль. Добираясь до середины бесконечно длинного тоннеля, казалось, перестаешь осознавать: день на улице или ночь, ясно или пасмурно.

Чэгён пересекал гору насквозь. Как только он вынырнет из тоннеля, перед ним возникнет деревня Мокхва. Место, которое Чэгён с сегодняшнего дня будет называть своим домом.

«Чем больше ожиданий, тем сильнее разочарование», – слотнув ком в горле, подумал Чэгён.

Говорят, чем выше взбираешься, тем больнее падать. Смена места жительства еще не означает, что его ждут какие-то кардинальные перемены. Даже эта хмурая погода словно предупреждала, что следует морально подготовиться к новым трудностям, которые надвигались на него, как эти мрачные серые тучи.

В 302-й квартире небольшого жилого комплекса «Весна», расположенного в центре деревни Мокхва, жил Тоён – давний друг Чэгёна. Вечно занятые работой, они уже долгое время не виделись, однако несколько дней назад Чэгён наконец приехал навестить Тоёна.

Его увенчанный зеленой крышей дом из красного кирпича стоял на возвышенности, куда пришлось подниматься по длинной лестнице. В квартире Тоёна было темно. Из прихожей, где вспыхнула сенсорная лампочка, Чэгён сразу бросил взгляд в окно, расположенное на противоположной стороне квартиры. Там сверкали ночные огни далекого города. Этот великолепный вид заставил забыть все те трудности, что сопровождали его на пути сюда.

– Когда мне не спится, я подолгу сижу у окна и смотрю на ночные огни.

Едва Чэгён услышал это, он твердо решил поселиться здесь вместе с Тоёном. Яркий свет в конце тоннеля прервал его воспоминания. Видимо, погода наладилась.

Лучи теплого утреннего солнца заливали все вокруг, и Чэгён зажмурился. Деревню окружали горы, покрытые пышной зеленой листвой. Облакам словно не удавалось пробиться сквозь горные хребты, и перед глазами предстала безмятежная гладь голубого неба. Рядом неторопливо текла река, на берегу которой медленно покачивались заросли тростника. На другой стороне по железной дороге мчался куда-то поезд, и мерное постукивание его колес едва слышно разносилось по деревне. А там, вдалеке, виднелся город. До отказа заполненный зданиями и людьми душный, серый город, из которого Чэгён наконец-то вырвался на свободу.

Оглядевшись по сторонам, он вдруг почувствовал душевный подъем. Волна предвкушения счастливых перемен поднялась в его сердце и, прорвавшись сквозь все баррикады, захлестнула его. Чэгён опустил стекло, и свежий воздух, влетев в открытое окно, взъерошил волосы. Он глубоко вдохнул и почувствовал, будто нега разлилась по всему телу.

– Неужели здесь всегда было так хорошо?

Расположенные по склону горы низкие здания торчали, громоздясь друг на друга, точно неровные ступени. Сами домики соединялись между собой узкими проходами и витиеватыми лестницами. Хозяева всевозможных торговых лавок с утра пораньше суетились вокруг своих заведений, широко распахивая окна и подметая территорию.

– Я как будто в сказку попал, – прошептал Чэгён.

Такой безмятежной была деревня Мокхва. И кто знает, быть может, именно здесь все-таки получится начать новую жизнь. Эмоции захлестнули и выплеснулись слезами из глаз Чэгёна. Дорогое сердцу имя затрепетало на кончике языка. Он больше не мог сдерживаться и что есть сил закричал:

– То-о-ён!

Порыв ветра мгновенно высушил его слезы.

– Как здорово, что я здесь!

Глава 2

Дом отдыха «Тысячелетний ночлег»

То и дело переводя дух, Чэгён поднимался по лестнице. Рядом с домом была парковка, но Чэгён решил прогуляться, наслаждаясь пейзажами, поэтому оставил машину внизу, о чем теперь сильно жалел.

– Уфф... Да что же это такое!

Не успел он и тридцати минут пробыть в деревне, как уже пожалел о своем переезде сюда. Преодолев бесконечное количество лестниц, Чэгён наконец добрался до переулка, ведущего к трехэтажному малоквартирному дому под названием «Весна». Издалека ему уже махала рукой бабушка – хозяйка дома.

– Из... ох... вините. Я машину... фух... не там оставил...

Изображая подобие бега, Чэгён приблизился к старушке, которая продолжала неторопливо махать ему с широкой, похожей на жабью улыбкой на лице. Низкорослая седая женщина вытянула морщинистую руку и выдала Чэгёну ключи от 302-й квартиры.

– Ой, спасибо.

– Если что-то понадобится, говорите, – растягивая фразы, медленно произнесла старушка.

– Что? А, да, конечно.

– Хорошо. Приятного вам проживания.

– Спасибо.

И бабушка так же неспешно, как и произносила слова, двинулась вверх по улице, пока стук ее трости не затих где-то вдалеке.

«Эти лестницы когда-нибудь закончатся?» – с трудом взобравшись на третий этаж, выдохнул Чэгён и открыл дверь 302-й квартиры. Внутри пахло так, как пах только Тоён. Это был запах жизни, которую он создал вокруг себя. Среди домашней утвари друга валялись вещи Чэгёна.

Сразу напротив входной двери оказалось окно. Но теперь за ним виднелись не ночные огни, а бликующая на солнце речка и городские небоскребы где-то вдалеке. Тоён сидел за кухонным столом и глядел за окно. Но, заметив друга, подскочил и воскликнул:

– Чего ты так долго?! Я думал, умру, пока дождусь тебя.

– Ну, понимаешь... Обстоятельства не отпускали.

– Конечно, сочиняй.

– Давай-ка позавтракаем. Ты не голоден? – ловко перевел тему Чэгён.

– Ужасно голоден, – широко раскрыв глаза, встрепенулся Тоён. – Не слышал, как громко у меня только что урчал живот? Пошли. Дома все равно нечем поживиться. Помнишь, я рассказывал про кафе, где подают вкусный суп? Может, туда?

– Подожди, я даже разуться не успел. А мои вещи? Надо сначала разобрать их.

– Ну а кто просил тебя опаздывать? Разберешь потом. Сперва поедим!

Тоён был уже при параде, будто планировал с порога забрать друга на променад. Он схватил Чэгёна за локоть, и тому ничего не оставалось, кроме как вновь спуститься по миллиону ступеней, которые совсем недавно он с таким трудом оставил позади.

Чуть дальше, вниз по дороге, что протянулась от дома Тоёна, проходила торговая улочка, примыкающая к местному парку. На этой улице было всё: прачечная, продуктовый магазин, парикмахерская и разные закусовые... Друзья сели за столик в кафе, которое так советовал Тоён, и принялись за луковый суп.

– Здесь настолько густой суп-пюре, что его приходится жевать. Но сама текстура прямо кремовая. Пальчики оближешь! Ты не представляешь, как часто я к ним захаживаю. Я столько здесь потратил, что как минимум один из кирпичей этого здания, считай, уже мой. Ха-ха!

– Действительно, вкусно.

Услышав столь скромную реакцию, Тоён недовольно фыркнул. Но Чэгён не знал, что еще добавить. Закончив с супом, он вышел из кафе и решил прогуляться по округе. Тоён восторженно показывал ему деревню, перебегая с места на место в своей легкой белой рубашке, развевающейся на ветру.

В парке всюду цвели нарциссы. Вдоль железного забора начальной школы плотно рос османтус, распространяя терпкий цветочный аромат. Под свежими зелеными побегами вишни что-то усиленно вынюхивали собаки. В меру шумная, в меру спокойная загородная жизнь.

– Правда же, здесь замечательно? Стоит побыть у нас хоть немного – и уже не сможешь вернуться к прежней городской жизни.

– Да, теперь чувствую. В прошлый приезд я этого не понял.

– Это потому, что теперь деревня приняла тебя как своего.

– Думаешь?

– Конечно!

Чэгён прошел до самого конца торговой улицы. В одной руке он держал свежее испеченную горячую булочку, купленную в местном хлебном магазинчике, а в другой – свежесжатый фруктовый сок, приобретенный в одной из лавок. Пока он в общих чертах запомнил, что и где находится, ноги уже заныли.

– Догоняй!

– Ох, ну ты даешь. Фух, кто только придумал эти лестницы...

Тоён без тени усталости бежал впереди, напевая себе под нос песенку, которую любил еще в школьные годы. Казалось, друг подался в альпинисты, – настолько бодро он преодолевал пролет за пролетом. Чэгён еле поспевал следом. Его лицо покраснело, а дыхание сбилось, тогда как Тоён даже не вспотел. Когда же Чэгён почти догнал друга, то осознал, что они добрались до самой высокой точки деревни.

Возле тропы на указателе Чэгён прочитал: «Подъем на пик Судьбы».

«Так вот как называется эта гора...» – догадался парень и огляделся вокруг. Вдоль дороги рядами выстроились закусовые, ожидающие любителей пеших прогулок в горах.

Тоён прошел мимо ларька, торгующего луковыми блинчиками и макколли, оставил позади заведение, где предлагали лапшичный суп с грибами, и, остановившись напротив одной из горных дорог, помахал рукой:

– Иди сюда!

– Если нам надо еще выше, то проще было взять машину, – возмущенно буркнул Чэгён, но все же двинулся вперед, еле передвигая трясущиеся ноги.

Наконец они подошли к вывеске, которая гласила: «50 метров до дома отдыха „Тысячелетний ночлег“», и Тоён радостно воскликнул:

– Та-дам!

Сразу за вывеской вверх тянулась узкая, извилистая тропа. Нужно было снова подниматься в гору. Чэгён стиснул зубы и продолжил путь.

Взмокший от пота, в полном изнеможении, он едва обратил внимание на указатель, где старомодным почерком было начертано: «Тысячелетний ночлег».

– Ну что ты, как дедушка на пенсии? – насмешливо упрекнул его Тоён.

– Тысячелетний? – вопросительно уставился на табличку Чэгён, едва переведя дух. – Они вообще работают?

Казалось, в старом бревенчатом доме никого нет. Выставленную на крыльцо черную печь покрывали слои пыли. За мутным окном будто что-то мерцало, но догадаться, зажжен там свет или нет, было невозможно.

– Вот зайдем и узнаем!

Слова друга придали Чэгён храбрости, и он распахнул дверь горного домика. К счастью, было не заперто.

В нос ударил запах ароматических свечей. Оглядевшись, Чэгён понял, что расставленные всюду свечи выполняли функцию внутреннего освещения, но мутные стекла почти не пропускали свет наружи, отчего внутри царил легкий полумрак. У окна висели ловцы снов и несколько мерцающих ловцов солнца. Отражающийся в кристаллах свет отбрасывал всюду радужные блики.

– Ну как тебе?

– Думал, будет попросторнее.

Среди всех заведений деревни Тоён особенно любил этот дом отдыха под названием «Тысячелетний ночлег». Еще до приезда Чэгёна друг много рассказывал ему об этом месте. Поэтому у того сложились своеобразные представления о горной достопримечательности.

– Я представлял себе более уютное помещение.

Но «Тысячелетний ночлег» оказался совсем не таким, каким нарисовало его воображение парня. Складывалось ощущение, что эта гостиница не вписывается в местный колорит. Деревня представляла собой радостное, наполненное жизненной энергией место, здесь же царил угрюмый дух тоски и сожалений.

«Наверное, это заведение держит очень грустный человек», – невольно подумал Чэгён.

Подойдя к кассе, Тоён постучал по столу. Вдалеке виднелись полки с разными товарами, а позади стойки с кассой – деревянный шкаф и доска с меню. Слева располагался вход на кухню, занавешенный шторками. За кассой кто-то сидел, грустно подперев подбородок рукой. Видимо, это и была хозяйка дома отдыха. Она никак не отреагировала на стук, и Чэгён подошел ближе.

Рядом с кассой он заметил маленькую боковую дверь. Казалось, ей там не место.

«Интересно, эта дверь ведет к комнатам для гостей? – размышлял Чэгён. – С улицы здание казалось большим, а так и не скажешь. Видимо, здесь и едой торгуют, и гостиничные услуги оказывают...»

Чэгён взглянул на меню, выведенное кистью на доске. Здесь предлагали кофе, какао, рисовое вино тондонджу, тыквенный сикхе, десерт патбинсу, рамён с кимчхи, омук и некое «соленое железо»

«Что еще за „соленое железо“?» – удивился Чэгён.

Все это время хозяйка продолжала неподвижно глядеть в пустоту. Внешний вид управляющей домом отдыха был таким же необычным, как и предлагаемое меню. Чэгён полагал, что подобное место держит кто-то пожилой, но девушке за кассой на вид было не более двадцати. Однако она все равно напоминала ему увядшее дерево в заброшенном саду.

Благодаря точным чертам лица девушку с каре в круглых очках любой назвал бы красавицей. Но беседовать с ней как-то не тянуло. Слишком уж безжизненным и опустошенным казался ее взгляд.

«Да уж, она будто бы создана для этого места», – пронеслась у Чэгёна мысль.

– Здесь со второго этажа открывается потрясающий вид. Любоваться им, поедая патбинсу, – настоящее удовольствие... – с сожалением прошептал Тоён другу, видимо заметив, как тот замешкался при виде угрюмой управляющей.

– Извините, мне сказали, у вас можно заказать патбинсу и посидеть на втором этаже? – осмелев, обратился Чэгён. В конце концов, не зря же они проделали такой долгий путь сюда. Управляющая домом отдыха повернула голову и удивленно взглянула на гостя. Уголки ее глаз были острыми, а ресницы настолько густыми, будто кто-то подвел их толстой кистью.

То, как резко изменилось выражение ее лица, казалось удивительным.

Чэгён подумал, что девушка вот-вот расплачется. Однако она не позволила себе этого. Словно не имела права выплеснуть захватившие ее эмоции. Тоска поднялась со дна души, и Чэгён не смог определить, что это – его собственные чувства или ему просто передалось состояние хозяйки.

– Карты принимаете?

– Да, можно картой, – раздался гортанный голос управляющей. – Места на втором этаже свободны. Присаживайтесь, я все принесу.

По узкой лестнице Чэгён поднялся на второй этаж. Он присел у окна, и перед глазами открылась шикарная панорама деревни Мокхва. Именно про этот вид с самой высокой точки деревни постоянно твердил Тоён.

– Ну как, красота?

– Да.

Вскоре хозяйка заведения принесла патбинсу. Проследив взглядом за девушкой, которая возвращалась на первый этаж, Чэгён потер грудь. Эта встреча оставила какой-то неприятный осадок. Что-то было не так, и это не давало Чэгёну покоя.

Так что и невероятный вид из окна, и хваленое лакомство не принесли ему удовольствия. Десерт изо льда растаял, превратившись в мутную воду с кусочками красной фасоли. Чэгён залпом выпил талую жижу, спустился на первый этаж и подошел к кассе.

– Спасибо, я еще зайду.

Услышав эти слова, управляющая улыбнулась. Но эта слабая улыбка не выражала никакой радости. Скорее напоминала печальный вздох той, чью душу гложут страдания. С того дня Чэгён частенько заходил в кафе дома отдыха «Тысячелетний ночлег». Иногда приходил даже без Тоёна.

Однажды на стыке сезонов Чэгён решил попробовать заказать таинственное «соленое железо». На тарелке, которую хозяйка поставила перед ним, лежало темно-красное мясо.

«А-а, значит, это просто сырая говяжья печень», – мысленно констатировал Чэгён.

– Извините... – окликнул он хозяйку, которая собиралась спускаться вниз. – Не хотите разделить со мной порцию?

От столь неожиданного предложения девушка слегка опешила, но затем вдруг прыснула, издав при этом звонкое «кхе!». Да, именно с таким звуком она и рассмеялась. В тот день Чэгён наконец узнал, как зовут управляющую домом отдыха. Ее звали Рю Хочжон.

– Извините, а сколько вам?..

Хочжон выглядела не по годам молодо. Но оказалась старше Чэгёна лишь на пару лет.

– Мне кажется или ты теперь с хозяйкой дома отдыха общаешься больше, чем со мной? – заворчал Тоён в один из дней, когда Чэгён вернулся поздно, проболтав с управляющей «Тысячелетнего ночлега» до самого закрытия.

Он пытался пробраться в квартиру незаметно, чтобы не потревожить друга шумом, но тот не спал, а сидел за кухонным столом и ждал его возвращения.

– Тебя так долго не было, я весь испереживался.

– Заболтался с Хочжон и сам не заметил, как стемнело.

– И что же вы такое вечно обсуждаете?

– Ты чего, ревнуешь, что ли?

– Вижу, ты теперь и без меня весело проводишь время.

– Ну ты даешь. Да ни о чем таком мы не говорили. Просто обсуждали, как трудно в деревне найти себе работу.

– И это всё?

– Ну ты сам подумай. Ради кого я сюда приехал? Да если бы не ты, меня бы здесь не было. И с Хочжон я сблизился только потому, что вы дружите.

– Правда?

– Ну конечно.

В комнате воцарилась тишина. Чэгён вдруг подумал, что действительно провинился. Наконец, обойдя друга, он проскользнул в ванную комнату. В зеркале над раковиной он увидел молодого человека, который очень уж напомнил ему Тоёна. Возможно, потому, что Чэгён одолжил его вещи. А может, потому, что теперь они жили в одной квартире. Чэгён дотронулся до кончиков волос. Даже его прическа все больше напоминала прическу Тоёна. Все это было непривычно.

Их стили в одежде всегда отличались. Чэгён предпочитал одеваться более свободно, даже небрежно. Он с самого детства не умел как-то красиво подбирать одежду. Да и не хотелось ему тратить на это время. Так что в какой-то момент при необходимости одеться прилично он просто стал подражать Тоёну.

Ощувив непонятное беспокойство, Чэгён потер шею и открыл кран с водой. Издалека доносились раскаты грома. В новостях сообщили, что сегодня начинается сезон дождей. Это был его первый сезон дождей в деревне Мокхва. Но, поскольку здесь было высоко, беспокоиться о наводнении не приходилось. Разве что тот город вдалеке уйдет под воду. А до тех пор он мог продолжать беззаботно жить в деревне.

«Но толку-то? Даже работу найти здесь не могу», – расстроено подумал Чэгён.

Как раз перед переездом в деревню он уволился из компании, где его кормили обещаниями. Уверяли, что через год работы по контракту его возьмут на постоянную ставку, но спустя год все, что предложили, – это продлить контракт временного работника еще на год. Осознав, что это лишь отговорки и доверять такой компании нельзя, Чэгён сбежал от них. Тогда же у него промелькнула мысль: «А что, если мне просто не подходит жизнь в коллективе?»

Вновь попав на передовую борьбы за трудоустройство, он осознал, что бороться за свое место под солнцем придется едва ли не так же рьяно, как на настоящей передовой. Написание резюме, самопрезентация и демонстрация квалификаций, беготня по собеседованиям и постоянно стучащая в голове мысль: «Зачем я вообще всем этим занимаюсь? Во имя чего?»

Неужели все через это проходят? Как же люди находят в себе силы жить, заполняя свои будни такими утомительными и бессмысленными делами? А если все это и есть «жизнь», то зачем она вообще нужна?

– Вот видишь, с переездом ничего не изменилось, – говорил Чэгён сам себе. – В конце концов жизненные трудности догоняют. И ты спотыкаешься на том же месте...

Когда это случается раз или два – можно хотя бы попытаться с этим справиться. Но когда неудача постоянно повторяется, это разбивает сердце.

С полуночи дождь зарядил еще сильнее. Окно у кровати дребезжало от порывов ветра. Вода, не переставая, с грохотом текла по трубе в углу комнаты.

Ворочаясь в полусне, Чэгён вдруг почувствовал, как в груди что-то ухнуло, и он резко открыл глаза. Вцепившись в одеяло, он подскочил в кровати. Темноту квартиры заливала гнетущая тишина.

– Тоён?

Чэгён поежился, затем поднялся и оглядел комнату. Тоёна нигде не было.

– Тоён?!

Решив, что друг в туалете, он направился в его сторону, как вдруг в прихожей громко хлопнула входная дверь. Чэгён подпрыгнул от испуга и, схватившись за грудь, пошел на звук. Из-за двери донесся топот ног, сбегających вниз по ступеням. Но зонты остались не тронуты.

– С ума сошел?! В такой ливень ночью и без зонта!

Не в состоянии сидеть и ждать, Чэгён накинул висевшую на стуле кофту. Это был темно-коричневый вязаный кардиган, который друг носил довольно часто.

Чэгён схватил зонт и сбежал вниз по лестнице. Раскрыв его, он огляделся по сторонам и справа, на углу переулка, заметил белую фигуру.

– Тоён! – крикнул он.

Чэгён все еще сомневался, стоит ли ему бежать за другом, но раздумывать было некогда. Он сорвался и побежал направо. Какой бы ни была причина, Чэгён просто не мог спокойно смотреть, как друг в одной белой рубашке и без зонта исчезает под дождем в неизвестном направлении.

Чэгён задыхался от долгого бега, во рту появился металлический привкус. Тоён в мгновение ока поднялся по одной из лестниц, затем пересек переулок и вот уже повернул за угол.

– Зачем ты убегаешь от меня?! – закричал Чэгён, но шум дождя заглушил его голос.

Словно не слыша, что его зовут, Тоён удалялся, то совсем исчезая, то появляясь белой точкой вдалеке. Промокшие кроссовки потяжелели и хлюпали при каждом шаге. Не успел Чэгён опомниться, как оказался на дороге, ведущей к самой высокой точке деревни Мокхва.

– Тебе обязательно устраивать этот забег именно сейчас?! Ответь мне!

Но, не обращая на крики друга никакого внимания, Тоён все удалялся, пока вдруг совсем не исчез. Мгновение – и вот его нет. В ужасе Чэгён собрал оставшиеся силы и бросился туда, где в последний раз мелькнула фигура Тоёна.

«Он сюда повернул?»

Чэгён остановился у тропинки, ведущей к «Тысячелетнему ночлегу», и бесстрашно рванул вверх, сквозь темноту и дождь, утопая в грязной жиже размытой дороги. Наконец вдали показался горный домик, за окнами которого тускло мерцал свет свечей. Как только Чэгён оказался рядом, шквалистый порыв ветра чуть не сбил его с ног. Ничего не оставалось, кроме как войти в дом и попросить помощи.

Чэгён бросил сломанный ветром зонтик у черной печки и вошел внутрь. Едва он открыл дверь, в нос ударил аромат благовоний. На удивление, Хочжон в этот раз не сидела за кассой, а стояла прямо перед дверью. Чэгён смущенно поздоровался одним взглядом.

– Я ждала вас, – произнесла Хочжон и скорее накинула на плечи парня плед, который держала в руках.

Попав в теплый, сухой деревянный дом, Чэгён невольно задрожал.

– Меня?

– Да. Вы же Тоёна ищите?

– Откуда вы знаете? Он здесь?

– Вы совсем продрогли. Для начала поднимайтесь на второй этаж и погрейтесь. Иначе простудитесь.

Хочжон подтолкнула Чэгёна к узкой лестнице наверх, и, только поднявшись, тот опомнился:

– Дак он здесь или нет?

Присев за любимый барный столик у окна, Чэгён посмотрел наружу, но с той стороны на него глядела лишь кромешная тьма.

Вскоре Хочжон принесла две чашки какао с плавающими в них зефирками. Пока Чэгён пил какао, озноб постепенно отступил. Но вскоре какая-то парализующая беспомощность

накрыла его, и Чэгён почувствовал сонливость. Казалось, еще чуть-чуть и он уснет прямо здесь, поэтому парень потряс головой и широко раскрыл глаза, стараясь не провалиться в сон.

– Чэгён, прошло уже четыре месяца с тех пор, как вы приехали сюда.

– Целых четыре месяца? Как быстро летит время...

– Мы с вами о многом разговаривали. Часто говорили и о Тоёне.

– Да, я был очень рад, что могу с кем-то поговорить о нем.

– Я думаю, Тоён – очень важный человек в вашей жизни.

– Так и есть. Если бы мог, дружил бы с ним вечно. Он знает меня лучше, чем я сам. Всякий раз, когда я разочаровывался в жизни, меня успокаивала мысль о том, что у меня есть Тоён. Я просто знал, что он, несмотря ни на что, будет рядом, – слабо улыбнулся Чэгён.

Хочжон улыбнулась следом и заправила блестящую прядь волос за ухо. Уголки ее глаз изящно сузились, и Чэгён поймал себя на мысли, что, наверное, именно такой тип внешности называют лисьим. Впрочем, он подумал так еще тогда, когда впервые услышал ее необычный смех.

– Пройдет много времени, прежде чем вы сможете снова увидеть друга.

– Что? Почему?

Слова Хочжон звучали странно, но у Чэгёна так сильно кружилась голова, что он почти перестал понимать, что происходит.

– В моей жизни тоже был дорогой мне человек. Но прошла уже тысяча лет с тех пор, как он покинул меня. Мир за это время изменился до неузнаваемости... Снова встретить того, кто ушел навсегда, – задача не из легких.

– Ну даете! Кто же шутит с таким серьезным... – Чэгён запнулся и пробормотал что-то невнятное, так и не придумав, что говорить дальше. Слова путались, язык заплетался, а предложения становились все короче. Словно во сне, все казалось окутанным туманом. Тело совсем ослабло. И тут Хочжон встала из-за стола. Чэгён, сам того не осознавая, поднялся вслед за ней.

– Наверное, это и называют судьбой. – Словно издали до него донесся тихий голос.

Взяв юношу за руку, хозяйка спустилась на первый этаж. Она отворила маленькую боковую дверь у стойки с кассой и пригласила Чэгёна зайти. Словно замороженный, тот нырнул в проем двери, и лишь упавший с его плеч плед остался лежать на полу.

Они шли и шли, так что Чэгён потерял счет времени. Пахло травой и дождевой водой. Со всех сторон доносился шум ливня. Они двигались куда-то вперед по лесной дороге. Пышная листва деревьев закрывала небо, оберегая их от стихии и позволяя идти, практически не промокнув. Камни по краям дороги покрывал зеленый мох, а между этими камнями стояли маленькие фонарики, слабо освещавшие путь.

– Такое ощущение, что вот-вот появятся сказочные феи...

Шаги Хочжон, ушедшей далеко вперед, были едва слышны. Чэгён взглянул на ее тень и вдруг заметил у головы силуэт ушей, а сзади – девять пышных хвостов. В голове пронеслась фраза: «Словно лиса околдовала».

И в этот миг над плечом Хочжон промелькнула маленькая светящаяся точка. Первой мыслью было: «Неужели правда фея?»

Но это была не фея, а светлячок. Там, вдалеке, где кончалась тропа и уже брезжил свет, кружили целые тучи светлячков. Хочжон остановилась, и Чэгён так же замер. Откуда-то доносился звонкий детский смех и позвякивание колокольчика.

Посреди пустыря возвышалась высокая каменная пагода. Многие верят, что если сложить друг на друга камни в форме башни и загадать желание, то в конечном счете оно сбудется. Чэгён подумал, что впервые в жизни видит такую огромную башню из камней.

– Это я сложила, – призналась Хочжон. – Из заветных желаний тех, кто приезжал в эту деревню.

– Заветные желания?..

Слова все еще стояли в горле комом. Тело и разум не слушались, будто Чэгён находился где-то глубоко под водой.

– В нашу деревню приезжают жить люди в критическом душевном состоянии. Те, кто не может справиться с глубокими ранами на сердце. Хозяева местных лавок и магазинов принимают таких гостей, как своих клиентов, и стараются заботиться о них. А когда рана на душе клиента затягивается, он покидает деревню, забыв обо всем, что здесь произошло.

Хочжон провела ладонью по шершавой поверхности пагоды и продолжила:

– Каждый камешек здесь – чье-то заветное желание, от которого душа человека однажды отказалась. Говорят, когда просветленный монах умирает, от него остается шарир – кристаллы святого праха. Эти желания – что-то вроде таких кристаллов.

– Но почему... вы все это мне...

– Мне уже не хватает душевных сил, и я перекладываю на вас свою ношу.

– Что это значит?

– Чэгён, осталось достроить совсем немного. Возьмите это в свои руки. А когда пагода будет готова, вы сможете встретиться с Тоёном.

– О чем вы?!

Хочжон взяла Чэгёна за руки и наклонилась к его лицу. Тот крепко зажмурился. В ту же секунду ледяной воздух коснулся его губ.

– Примите мою драгоценную бусину¹.

Что-то круглое и гладкое оказалось у него во рту. Это была маленькая бусина. На мгновение голова закружилась, будто небо и земля поменялись местами. И Чэгён осознал: «Так это была ловушка!»

– Надеюсь, вы успеете увидеться с Тоёном. Пока еще не слишком поздно.

Едва Хочжон произнесла эту фразу, земля под ногами Чэгёна разверзлась и он провалился в бесконечную яму. Летя куда-то в кромешной тьме, он размахивал руками и ногами, но не мог ни за что ухватиться. Вдруг вдалеке показалось кольцо света. Это был свет, который он уже однажды видел в конце бесконечного тоннеля на въезде в деревню. Этот свет словно притягивал. Сопротивляться не удавалось, свет приближался и в конце концов поглотил Чэгёна...

– Ай-яй-яй. Какая жалость.

Откуда-то донесся звук стучащей по земле трости, разнесся эхом по округе и вдруг резко затих. Хозяйка жилого дома «Весна» склонилась над распластанным рядом с каменной пагодой Чэгёном. По дрожащему телу парня бежал холодный пот. Он постанывал, лицо исказилось от страданий, а ресницы трепетали.

– Проглотивший священную бусину, ты обречен познать все тайны мира, оставаясь в своем человеческом теле.

Перед Чэгёном, свернувшись калачиком, лежала мертвая старая лисица. Потеряв источник своей силы – драгоценную бусину, та распрощалась с жизнью. У мертвой лисы было девять хвостов.

– Ах ты, негодница. Заварила кашу и ушла, не попрощавшись?

Осторожно приподняв лисье тело, старушка обняла его и направилась в обратном направлении. Сквозь ее иссохшие губы вырвался тяжелый вздох.

– Уже вторые похороны в деревне...

¹ В корейской мифологии девятихвостые лисы-оборотни кумихо носят в себе волшебную бусину, которую могут передать человеку, наделив его необычными способностями.

Горюя по утрате, она приказала лесным зверям перенести Чэгёна в квартиру 302, а сама отправилась на солнечный холм похоронить бездыханное тело.

С незапамятных времен старуха предоставляла жилье несчастным с душевными ранами. Тогда она еще была полна сил и своей доброй энергией защищала постояльцев. Но теперь совсем постарела. Ее жизнь подходила к концу. Если она не найдет себе преемника – нового хранителя деревни, то деревня исчезнет вместе с ней.

– Что же тогда будет с теми, кто еще не оправился от своей беды?

И тут она догадалась: «Точно! Именно так я и поступлю. Раз уж все это случилось с бедолагой, можно назначить его новым хранителем». А для этого нужно было подготовить почву. Успеть, пока юноша не очнулся.

– Это твоя последняя хитрость? Верно?

Старуха взглянула на еще теплое тело девятихвостой лисы, но та уже ничего не ответила.

Находясь в забытии, Чэгён рассеянно наблюдал, как вся его жизнь проносится перед глазами. Эпизоды сменяли друг друга, словно кто-то мотал ленту кинофильма, лишь несколько моментов предстали особенно ярко. Самое раннее воспоминание детства: Чэгён и Тоён, друзья, что ходили в одну начальную школу, лежат на кровати и разглядывают светящиеся в темноте звездочки, приклеенные на потолке.

– Я никогда еще не ночевал у друзей.

– Ну вот, значит, теперь мы настоящие друзья!

– Настоящие?

– Конечно!

Чэгёну понравилось, как звучит фраза «настоящий друг». Это значило, что теперь он важный человек в жизни Тоёна. Ему хотелось, чтобы эта дружба продолжалась как можно дольше. Чтобы они еще не раз могли говорить о чем-то понятном только им двоим.

Следующее воспоминание – выпускной класс старшей школы. Чэгён держит в руках письмо. Перемена, Тоён куда-то отошел, и Чэгён кладет свернутое замысловатым образом послание ему на парту.

«И о чем мы так много переписывались в те годы?»

Какое-то время они учились в разных классах и не могли, как прежде, проводить много времени вместе. Тогда они изучили тысячу способов красиво свернуть лист бумаги и развлекались тем, что подкладывали друг другу письма на переменах. Эти письма хранили в себе бесчисленное количество откровений, которые оставались тайнами даже для членов семьи.

Со звуком удара кинохлопушки воспоминание сменилось следующим. Чэгён лежит на кровати в крохотной комнатке частного общежития. Теперь он вспоминал то время, как самые мрачные страницы своей жизни. Та комната была не лучше тюремной камеры, где выключаешь свет – и наступает ночь, включаешь – снова день. И вот он лежит как живой труп на узкой кровати, куда едва помещается его тело.

«Ох да, помню тот период...»

...Стояла летняя ночь. Он окончательно разрушил свою студенческую жизнь и паковал чемоданы, словно побежденный в бою солдат. Наутро ему предстояла дорога домой. Упакованные вещи заняли всю комнату, так что кроме кровати не осталось свободного места. В темном помещении было невыносимо душно и жарко.

– Легче провалиться сквозь землю...

Тогда ему казалось, что проще умереть, чем глядеть в разочарованные лица родителей. Тоска душила. Ему не хватало смелости пересдать экзамены, и не было дела, которым бы загорелась его душа. К тому же он уже несколько дней голодал и не мог уснуть. Все, что ему оставалось, – это рыдать, распластавшись на кровати.

Пытаясь заглушить пустоту внутри, он взял в руки телефон и начал листать новостную ленту. Неожиданно появилась свежая новость с именем знаменитости, по которой Чэгён фанател в школьные времена. Рядом с именем он увидел фразу: «Ушел из жизни по собственному желанию». Его словно ударили по голове. Какое-то время Чэгён лежал не в силах пошевелиться.

И тут позвонил Тоён. В комнатах не было практически никакой звукоизоляции, поэтому Чэгёну нужно было подняться и выйти, чтобы ответить на звонок. Наступая на расставленный всюду багаж, юноша пробрался к двери и вышел на площадку, где располагался лифт.

- Алло.
- Чэгён, это я, Тоён! Как дела?
- Нормально. А у тебя?
- Отлично, иначе и быть не может!

Они созвонились впервые почти за полгода. Поступив в разные университеты, общались урывками, и теперь Чэгён особенно остро ощутил, как они отделились. Насколько он мог судить по соцсетям друга, Тоён, в отличие от него, завел кучу друзей и наслаждался своей студенческой жизнью.

- Ты что-то хотел?
- Просто давно не слышал твой голос. Я не разбудил?
- Нет, я все равно не мог уснуть.
- Ну хорошо. Слушай, а ты пробовал нашумевший молочный хлеб?

И Тоён начал болтать с ним о разных мелочах. Тогда Чэгён не понимал, зачем другу посреди ночи обсуждать все это с ним, но теперь догадался. Тоён тоже видел ту новость. И позвонил, потому что волновался и хотел поддержать друга.

- Помнишь, как мы в старших классах бесконечно писали друг другу письма?
- Да-да, точно. Как забудешь такое.
- Я вчера прибирался и обнаружил целую пачку конвертов и всякой красивой бумаги для писем, которой закупился еще тогда. Поэтому я тут подумал: а не хочешь возобновить нашу переписку? Жалко выкидывать все это.
- Писать друг другу настоящие письма? Неплохая идея. У меня ведь тоже осталась куча неиспользованных наборов с бумагой.
- Тогда давай переписываться, пока не истратим последний набор. Завтра скинешь мне сообщением свой адрес?
- Хорошо.
- Ой, уже три часа ночи. Ну все, я спать. Спокойной ночи, Чэгён!
- И тебе.
- Я еще позвоню!
- Ага.

Положив трубку, Чэгён еще какое-то время стоял в коридоре общежития. Саднящая боль в груди поутихла. Он вернулся в комнату и до утра листал новости о смерти своего кумира. Но теперь страшные мысли о том, чтобы последовать за покойником, он упрямо гнал прочь.

- Придется жить, хотя бы пока не испишу всю бумагу.

Смерть этой знаменитости стала первой смертью дорогого человека в жизни Чэгёна. В детстве он, конечно, сталкивался со смертью родственников, но тогда он был слишком мал, и люди эти были Чэгёну не столь близки, чтобы это оставило след в сердце.

Уход из жизни его кумира научил одной важной вещи: мертвых постепенно забывают. Каким бы великим и знаменитым ни был человек, после смерти образ его бледнеет и уходит в тень. Вот и в тот раз бурный общественный интерес со временем угас. А вскоре и Чэгён почти перестал вспоминать об этом человеке.

В ответ на четырнадцатое по счету письмо Чэгён написал: «Вот так и забывают мертвых...» Обещание жить до тех пор, пока не кончится пачка бумаги для писем, оказалось глупым и бессмысленным. Когда их переписка возобновилась, приходилось то и дело докупать новые наборы конвертов с бумагой. И день прощания с жизнью все отодвигался и отодвигался. А когда он опомнился, уже выпускался из университета.

– Ну что, фотографирую, улыбаемся. Все кричим: «Кимчхи!»

– Кимчхи-и-и!

...Щелкнул затвор камеры. Воспоминание о том, как они с Тоёном фотографировались на выпускном, промчалось мимо.

Если подумать, они очень сблизилась благодаря этой переписке. В те годы им казалось, что дружба стала даже крепче, чем в школьные времена. Когда они слышали фразу «настоящие друзья», мгновенно вспоминали друг друга. Ближе не было никого.

«Да, помню. Едва мы преодолели сложнейший жизненный этап и наконец-то выпустились, как впереди маячила следующая недостижимая высота – трудоустройство. Но все это было уже терпимо, ведь рядом был Тоён».

Как только Чэгён подумал об этом, все связанные с другом воспоминания еще быстрее помчались перед глазами, будто кто-то включил ускоренную перемотку.

– Подождите, стойте. Покажите еще! Это было самое счастливое время... – с досадой воскликнул Чэгён.

В этот миг скорость смены кадров замедлилась и остановилась на одном из них. Это был день, когда они вдвоем с Тоёном отправились отдыхать на остров Чеджу.

...Прижавшись щекой к столику приморского кафе, Чэгён лежал и наблюдал за волнами, что разбивались о берег. Тоён устроился напротив в той же позе.

– Как все-таки хорошо.

– Да...

Теплый солнечный свет ласкал их тела. Казалось, еще немного и они растают, как мороженое, наслаждаясь редким мгновением полной свободы.

– А что, если я все-таки не найду работу, – пробормотал Чэгён, – и придется скитаться по улицам, как бродяга?

– Не переживай. Если это действительно случится, поживешь у меня.

– Правда?

– Правда.

– Тогда и я, если ты однажды захочешь все бросить и уйти с работы, пушу тебя к себе.

– Ты серьезно?

– Конечно.

Проговорив это, они оба рассмеялись. В ту минуту Чэгён ощущал себя совершенным, законченным творением без единой надломленной части. Наполненным на все сто процентов. Казалось, нет необходимости знакомиться с новыми людьми, пытаться разбогатеть, что-то менять или добавлять в свою жизнь. Он чувствовал, что достаточно оставаться таким, какой он есть.

– А когда мы оба обречем почву под ногами, поселимся в каком-нибудь красивом месте! Комната у каждого будет своя, а остальное будем делить поровну. Что думаешь? – спросил Чэгён.

– Отличная мысль! Будем каждый месяц выбираться в путешествие, делать кучу фотографий и клеить их потом в фотоальбом! – рассмеялся Тоён.

– Правда, мне лично не хочется селиться в сильно застроенном районе. Лучше там, где из окна видно горы и рядом есть парк для спокойных прогулок. От каменных джунглей меня уже тошнит. Хочется, чтобы даже автомобильных гудков там не было слышно.

– Но все-таки работа должна быть поблизости. Ты же не хочешь, чтобы дорога туда-обратно занимала у тебя все пять часов?

– Тогда поехали туда, где будут горы, парк и город неподалеку.

– Где же мы такое найдем? – улыбнулся Тоён.

– Наверняка где-то есть. Я поищу!

Однако мечтам Чэгёна не суждено было сбыться. Вскоре его приняли временным работником по контракту в небольшой стартап, и закончились спокойные времена. Чэгёну поручили задачи, которыми занимались сразу несколько отделов, и он носился как белка в колесе. Воспоминания замелькали все быстрее.

Общаться с Тоёном они стали гораздо реже. Письма, которыми друзья обменивались раз в неделю, стали задерживаться. Сначала Чэгён пытался отвечать хотя бы каждый месяц, но потом – все реже и реже. Вскоре же их переписка практически сошла на нет. Тоён тем временем переехал в деревню Мокхва, с пониманием относясь к обстоятельствам, в которых оказался друг. Однако и в деревне он продолжил писать Чэгёну письма, вне зависимости от того, отвечал тот или нет.

Отложить на потом одно-два письма было еще не так страшно. Но когда накопилась уже целая стопка, Чэгёну просто не хватило духу осилить их все. Он медленно, но верно приближался к выгоранию. Раз это его первая работа, казалось, Чэгён обязан выкладываться на пределе сил. В конечном счете у него начались проблемы с памятью, лицо побледнело и даже голос стал глухим и тусклым.

Однажды Тоён впервые за долгое время позвонил ему. Стоял конец года, и на праздничном корпоративе генеральный директор компании невзначай поднял тему продления временным сотрудникам контрактов на следующий год. Когда Чэгён вышел из ресторана, чтобы ответить на звонок, то увидел на экране уже четыре пропущенных от Тоёна.

– Алло, ты звонил?

– Чего трубку не берешь? Я звоню-звоню!

– Да я... у нас сейчас корпоративный ужин. Видимо, просто не слышал.

– Чэгён, пожалуйста, прошу тебя, береги себя. Если с тобой что-нибудь случится, я не переживу.

Голос Тоёна дрожал. Чэгён удивился, он впервые слышал, чтобы тот говорил с такой тревогой и волнением.

– У тебя что-то случилось?

Тоён на другом конце провода будто бы задыхался. Чэгён понял, что он плачет.

– Ну, говори же! Что стряслось?

– Прости, я тебя напугал, да? – извиняющимся тоном произнес Тоён.

Чэгён хотел расспросить подробнее, но именно в этот момент услышал, как его окликнул генеральный директор.

– Подожди, меня зовут. Давай корпоратив закончится и я тебе перезвоню.

– Нет-нет, Чэгён, все в порядке. Я не хотел тебя отвлекать. Просто увидел очень страшный сон и сам не понял, как... Ну раз у тебя все хорошо, я спокоен. Можешь не волноваться.

– Как не волноваться? Ты просто не рассказываешь, но у тебя ведь что-то случилось? Как все закончится, я обязательно перезвоню.

– Да нет, говорю же. Это все сон...

– Ну даже если так, хотя бы расскажешь, что за кошмар тебе приснился. Жди звонка, понял? Ну все, до связи.

Чэгёна еще раз окликнули, и он спешно повесил трубку, так и не дослушав, что ему тогда ответил Тоён. Сказал «хорошо» или «не волнуйся»? Он должен был дослушать друга до конца и теперь жалел о своей торопливости.

Корпоративный ужин закончился далеко за полночь. Из-за выпитого Чэгён едва помнил, как добрался до дома. По словам матери, в тот день он буквально с порога, постанывая, пополз в кровать и отключился.

Весь следующий день он страдал от похмелья. Обещание позвонить Тоёну совершенно вылетело из головы. И вновь сумасшедшие рабочие будни затянули его в свою пучину.

Как раз в то время алгоритмы подкинули ему интересный сериал, наслаждаясь которым Чэгён снимал накопившийся стресс. А любимая музыкальная группа впервые за долгое время анонсировала новый альбом. Примерно тогда же, поддавшись уговорам коллег, Чэгён увлекся компьютерной игрой, которая так затянула его, что парень не мог оторваться до глубокой ночи. Казалось, жизни не хватит, чтобы все успеть.

– И почему в сутках всего двадцать четыре часа? В мире столько интересного! – жаловался Чэгён.

Но приближалось следующее воспоминание. И хотя ему не хотелось, чтобы лента жизни двигалась дальше, Чэгён все же не мог остановить безжалостное течение времени. Словно повиснув в воздухе на самой высокой точке американских горок, он ощутил то будоражащее кровь головокружение, что возникает за секунду до того, как вагончик с бешеной скоростью устремится вниз. Почувствовав это, Чэгён невольно раскинул руки, словно пытаясь ухватиться за поручни. И поток воспоминаний понес его туда, куда меньше всего хотелось возвращаться.

– Алло?

– Это Чэгён?

– Да, а кто это?

– Это мама Тоёна.

– А-а! Здравствуйте!

– Тоён со вчерашнего дня не отвечает на звонки... Ты не знаешь, у него все в порядке? Может, что-то случилось?

– Что? Нет, я не знаю. Давайте я сам попробую дозвониться.

– Хорошо, спасибо.

Едва повесив трубку, Чэгён тут же позвонил Тоёну. Гудки все шли, но Тоён по-прежнему не брал трубку. Тревога холодком побежала по телу. Чэгён перезвонил маме друга.

– И на твои звонки не отвечает? Тогда не мог бы ты подсказать мне его адрес?

– Адрес? Вы не знаете, где он живет?

– Тоён когда-то говорил мне, но я никак не могу вспомнить... – словно оправдываясь, объяснила мама Тоёна.

Если подумать, Тоён никогда не поддерживал близкие отношения с членами своей семьи. Говорил, что ему с ними тяжело. Когда делился с близкими своими трудностями, те лишь начинали жаловаться, что им еще тяжелее. Его проблемы никого не интересовали. Он всегда должен был уступать, терпеть, закалять свой характер.

С некоторого времени Тоён перестал рассказывать что-либо своей семье. Всеми переживаниями он делился только с Чэгёном. Тот заметил, что Тоён постепенно отдаляется от своих родных, но не предполагал, что он даже не сообщит им свой новый адрес. Это значило, что Тоён оборубил с ними все связи. Однако Чэгёну не хотелось смущать маму друга, и он вежливо ответил:

– Хорошо, подождите. Сейчас я вам продиктую.

– Спасибо.

Чэгён достал последнее письмо. Оно пришло месяц назад. Получается, Тоён целый месяц ничего не писал? Как же он мог не обратить на это внимания?

Чэгён продиктовал указанный на конверте адрес. Видимо, мама Тоёна собиралась отправиться к нему домой. Чэгён замешкался: стоит ли ехать вместе с ней? Но, как назло, именно

сейчас ему поручили важный проект. И если он с ним успешно справится, то с большей уверенностью сможет обсудить с директором свой перевод в постоянный штат.

«Сейчас, конечно, не время, чтобы брать отгул...»

Но той же ночью от мамы Тоёна поступил звонок.

– Чэгён... Тоён, он... он...

Тоён умер. Выбрал уйти «по собственному желанию». Но действительно ли это был его собственный выбор? Расследования полиции и страховой компании завершились без разногласий. Однако Чэгён все-таки не мог поверить, что это не насильственная смерть. Тоён бы никогда не принял такое решение. Даже несмотря на найденную предсмертную записку, Чэгён продолжал отрицать. Ведь Тоён ни за что бы не сделал этого, не сказав ни слова своему «настоящему другу».

Директор не отпустил Чэгёна на похороны. Разорался, что он не может уехать и бросить важный проект. На что Чэгён без колебаний написал заявление на увольнение, бросил его директору, после чего завел машину и умчался провожать друга в последний путь.

– Примите мои соболезнования.

– Чэгён... Как же нам теперь жить...

Он поклонился глотающим слезы членам семьи Тоёна и встал перед его фотографией в поминальном зале. Тоён лучезарно улыбался. Но, даже глядя на подвязанное траурной лентой фото друга, Чэгён не мог поверить в произошедшее. Все это казалось нереальным, чьей-то злой шуткой. Тоён наверняка продолжает счастливо жить где-то. Чэгён настолько убедил себя в этом, что во время церемонии не проронил ни слезинки. Ему было даже как-то неловко, что он один так спокоен, когда остальные не могут сдержать слез.

Все дни, отведенные на прощание, Чэгён провел в похоронном зале². Он помогал семье Тоёна, встречал гостей и даже поехал с ними отвозить урну в колумбарий. Но все, что он чувствовал, – это оцепенение.

Однажды, отсутствующим взглядом взирая на урну с прахом Тоёна, Чэгён вдруг подумал, что вот сейчас выбегут люди и закричат: «Вас снимала скрытая камера! Если розыгрыш вам понравился, ставьте лайк, подписывайтесь на наш канал и не забудьте настроить уведомления!» Чэгён был уверен, что даже не удивится. Единственное, что он бы сделал, – это, строго взглянув на Тоёна, сказал бы ему: «Больше так не шути!»

Однако ничего подобного не произошло.

«Какой же я тебе друг? Да я права не имею называть себя так. Зачем я вообще устроился в эту чертову компанию и пахал, как проклятый? Перестал понимать, что в жизни важно, а что нет. Ни разу даже не приехал навестить тебя. Как полный дурак...»

Чэгён ушел с работы, и у него наконец появилось время подумать обо всем. Он пытался найти ответ на вопрос, что же толкнуло Тоёна расстаться с жизнью. Полный решимости, он достал стопку непрочитанных писем и всю ночь читал их от самого старого до самого последнего.

«Недалеко от моего дома есть кафе, где подают наивкуснейший луковый суп-пюре. Он настолько густой, что его приходится жевать. Но сама текстура прямо кремовая. Ты не представляешь, как часто я к ним захоживаю. Я столько здесь потратил, что как минимум один из кирпичей этого здания, считай, уже мой. Очень хочу сходить туда с тобой. Думаю, тебе понравится...»

«Помнишь, рассказывал про кафе в горном домике? Я там уже постоянный клиент. Мы с хозяйкой очень сблизились. У меня недавно произошло кое-что неприятное, и я пожаловался ей, так и подружились. Но

² Похороны в Корее обычно длятся три дня.

ты не думай. Ты по-прежнему мой лучший друг. Просто не хочется в наших письмах вечно жаловаться тебе на жизнь. Ты уж не обижайся...»

«Я тут понял, что совсем не занимаюсь спортом. Решил размяться и забраться на самую высокую точку деревни. А там обнаружил местечко под названием „Тысячелетний ночлег“. У них со второго этажа открывается потрясающий вид. Люблю сесть там, заказать патбинсу и наслаждаться им, глядя в окно. Только тебя не хватает...»

В письмах Тоён писал только о том, как ему нравится жить в деревне и как проходят его будни. Сколько бы Чэгён ни вчитывался в строки, нигде и намека не было на желание друга умереть. Это были обычные письма, наполненные пустяковыми историями о повседневной жизни.

– Может, я все-таки что-то пропустил?

И Чэгён садился вновь перечитывать письмо за письмом. Погружаясь в прошлое все дальше, он дошел до того, что достал и совсем старые письма, написанные еще в старшей школе. Держа в руках самое первое письмо, Чэгён вдруг осознал, какое огромное место в его жизни занимал Тоён.

«Что, если все это исчезнет вместе с ним?»

В будущем, которое Чэгён рисовал себе, всегда был Тоён. И теперь это будущее рассыпалось как карточный домик. Теперь с любыми трудностями ему придется справляться самостоятельно. Еще тогда, живя в крохотной комнатухе общежития, Чэгён понял: некоторые трудности невозможно преодолеть в одиночку. В таком случае и он рано или поздно окажется на краю пропасти.

Чэгён поискал в интернете имя той самой знаменитости. Теперь он почти не вспоминал об этом человеке. Кое-где встречались публикации и статьи, отдающие дань памяти погибшему, а часть поклонников писали о кумире так, будто он все еще был жив.

«А Тоён? Разве кто-нибудь будет думать о нем как о живом?»

Он окинул взглядом разбросанные по комнате письма.

«Кто будет хранить память о нем?»

Мертвые исчезают. Память о них тускнеет. Значит, и Тоёну предстоит раствориться в небытии.

«Выходит, его просто забудут?»

Тоён застыл в прошлом, не в состоянии идти со всеми дальше. И Чэгён не мог это оставить просто так. Он должен был сделать хоть что-то. Склеить разорванную киноплёнку, достать и дописать роман, убранный на книжную полку. Тоён должен был жить. Общаться с людьми, оставить после себя хоть что-то.

Несколько дней спустя мама Тоёна снова позвонила и попросила съездить забрать вещи сына из его квартиры.

– Ты уж извини, Чэгён, что снова обратилась к тебе с такой просьбой. Муж уехал в командировку, а я не могу опять закрывать магазин. Точжин и Тоха готовятся к экзаменам – их не отправить.

Видимо, жизнь семьи Тоёна уже вошла в привычное русло. Только Чэгён никак не мог смириться с утратой.

– Ничего страшного. Я все равно свободен, поэтому и вызвался ехать. Уже на месте. Пойду осмотрюсь и перезвоню вам.

Чэгён вышел из машины. Ему сказали, что прямо рядом с домом есть парковка, но он не сориентировался и оставил машину поодаль, о чем теперь сильно жалел. Задыхаясь, он с трудом поднялся по высокой лестнице и оказался перед малоквартирным домом «Весна». Поднявшись на третий этаж, Чэгён направился в квартиру 302.

Когда он зашел внутрь, на мгновение ему показалось, что вот сейчас навстречу выбежит Тоён. Ведь все здесь было пропитано его запахом. И Чэгён замер, словно ожидая появления друга. Свет в прихожей погас, и квартира погрузилась во тьму. Но за окном, словно раскинувшийся на ночном небе Млечный Путь, сияли огни далекого города.

– *Когда мне не спится, я подолгу сижу у окна и смотрю на ночные огни,* – услышал он голос Тоёна.

Чэгён вздрогнул и повертел головой.

– Тоён, ты здесь?

В ответ тишина. В квартире ни души. Но эти слова... Он уже где-то слышал их. Вскоре Чэгён вспомнил – это была строчка из письма. Тоён никогда не произносил при нем этой фразы, но теперь она отчетливо звучала в его голове.

– Тоён?

– *Хочу, чтоб и ты увидел этот пейзаж,* – вновь отчетливо, словно шептали прямо в ухо, раздался голос друга.

Может, здесь остался его призрак? Или же Чэгён просто запомнил строчки из писем, которые теперь всплывали в его голове?

Сердце заколотилось. Неожиданная решимость наполнила его. Именно здесь, где осталось столько вещей Тоёна, можно бесконечно вспоминать его. Так воспоминания о Тоёне будут жить, его голос станет еще громче, а облик ярче.

«Мне нужно поселиться здесь».

Чэгён решил, что будет жить так, будто его друг все еще жив. Он непременно посетит все места и попробует все блюда, которые советовал ему Тоён. Нужно стать им. И тогда он сможет продолжать жить здесь как ни в чем не бывало. И, быть может, однажды удастся понять его. Почему, живя в таком чудесном месте, полюбив здесь каждый уголок, заведя дружбу с владельцем горного домика, имея возможность высказаться и услышать слова поддержки, он все-таки захотел расстаться с жизнью? Что все-таки стряслось? О чем Тоён умолчал в своих письмах?..

– Прости меня...

Чэгён открыл влажные от слез глаза. Он лежал на кровати в квартире 302. В той квартире, где они поселились вместе с Тоёном. Точнее, должны были поселиться вместе.

Что-то влажное коснулось его лица. Покосившись, Чэгён вздрогнул, увидев прыгающую перед ним швабру. Среди ворсинок высунулся розовый язык, и парень услышал тяжелое дыхание.

«Так это не швабра, а собака!»

Но это было еще не все. Какой-то черный кот с желтыми глазами прогуливался по книжной полке. Белый кролик прыгал вокруг кровати. Обезьяна с золотой короной на голове выдвигала перед ним сальто. Петух с большим гребнем клевал что-то на полу. А в стороне медведь...

«Подождите-ка, откуда в моем доме медведь?»

Заметив бродящего по дому медведя, Чэгён осознал, что, видимо, еще не проснулся. Однако слишком уж отчетливо он соображал.

«А что, если это не сон? Тогда мне конец. Говорят, перед медведем бесполезно притворяться мертвым. Даже если он просто коснется меня своей огромной передней лапой, пара ребер наверняка хрустнет...»

Чэгён замер, продолжая оторопело хлопать ресницами, как вдруг что-то задело его за плечо. Он удивленно повернул голову и увидел знакомое лицо. Перед ним стояла хозяйка здания. Бабушка улыбалась, трогая его своей тростью.

– Извините, я... что, все еще сплю? – тихо спросил Чэгён и вдруг почувствовал во рту что-то инородное.

Под языком лежала маленькая бусина. Он попытался поддеть ее языком, выплюнуть и даже подцепить ее пальцами, но ничего не вышло. Казалось, во рту ничего нет, – язык и пальцы ощущали лишь пустоту.

– Дорогой, тебе понадобятся десятки лет, прежде чем ты привыкнешь и научишься обращаться с драгоценной бусиной.

– Драгоценная бусина?

На удивление, вопрос его прозвучал четко и внятно. Будто бы действительно во рту ничего не мешало.

– Ты же получил бусину от Хочжон?

– Я? Э-э, наверное... Подождите, но где сейчас сама Хочжон? Она не только передала мне эту бусину, но и вообще вела себя очень странно.

– Хочжон ушла в загробный мир. Навсегда покинула нас, так что больше ее не жди, – медленно произнесла старушка. И хотя она сообщала о смерти, голос ее звучал довольно бодро.

Чэгён не знал, как реагировать, поэтому просто слабо улыбнулся. Старушка улыбнулась в ответ и тихонько похлопала его по плечу:

– Хочжон уже рассказала тебе секрет этой деревни?

– Разве все это... по-настоящему? Не сон, не галлюцинация?..

– Конечно. Наша деревня притягивает людей, страдающих от душевной боли. Это ее миссия еще с давних времен. И не совсем обычные владельцы местных заведений, используя свои незаурядные способности, заботятся о посетителях.

– Они лечат их боль... А тот, кто полностью излечился, должен покинуть деревню.

– Верно. Так и есть.

– Ха-ха-ха... Да это просто в голове не укладывается. Если бы такая деревня существовала на самом деле, тогда не было бы людей, умирающих от душевных страданий. А что, если кто-то расскажет об этом месте по телевидению? К тому же существуют и разные формальности вроде налогов и местной регистрации, в конце концов!

Чэгёну хотелось спорить и вызывать к логике, словно это могло как-то помочь ему очнуться от странного сна.

– Все это никак не вяжется с реальностью! Ну, допустим, кто-то страдает от душевных ран. Какова вероятность, что он возьмет и переедет сюда жить? И что насчет иностранцев? Тех, у кого так же тяжело на сердце? Или будете утверждать, что у нас тут – Ямараджа³, а у них – Иисус?

Если это не «по-настоящему», то Чэгён не собирался даже думать об этом. Ведь чем больше ожиданий, тем сильнее разочарование. А сил преодолеть новое разочарование у него уже не оставалось.

– Вижу, у тебя много вопросов, мой дорогой. Думаю, ты отлично справишься с новой ролью. Однако я ничего тебе не расскажу. Ведь у тебя уже есть ответы на все вопросы. Верно?

Так все и было. Едва Чэгён задал свои вопросы, как в его голове тут же появились внятные ответы на них. Но кое-что еще беспокоило его. Например, то, что он теперь прекрасно понимал язык зверей, что означают их крики и движения. Кроме того, находясь в своей квартире, он вдруг понял, что видит все, что происходит в деревне. А еще теперь он откуда-то знал имена и даты рождения всех, кто живет здесь.

– Откуда я все это знаю? Что со мной случилось?

– В этой маленькой драгоценной бусинке заключена мудрость всего мира. Вот почему я пришла сюда. Тебе предстоит выбрать одно из двух.

³ Верховный судья загробного мира в буддийской традиции.

Бум!

Бабушка стукнула тростью об пол один раз.

– Первое: ты уезжаешь и возвращаешь мне эту бусину.

Зачем ее нужно вернуть, Чэгён понял и без объяснений. Когда он покинет деревню, воспоминания о жизни здесь исчезнут без следа. А если он не вернет бусину, придется продолжать жить, не понимая, что происходит и откуда у него в голове все эти знания о мироустройстве.

Но порой знать слишком много – не благословение, а наказание. Если сейчас Чэгён сбежит, то в лучшем случае его ждет жизнь прославленного шамана или же лидера новой секты. Но этого ему не хотелось. Зачем ему одинокая жизнь, где никто тебя не понимает, а перед глазами разворачиваются бесчисленные трагедии, которые ты можешь только наблюдать?

– Если не хочешь, займи мое место и будь хранителем этой деревни.

– Хранителем?

– Именно. Буквально – духом этой деревни, ее сутью. Проще говоря, можешь считать себя здесь главным управляющим.

– Вы предлагаете мне стать вашим преемником?

– Твоя задача – встречать людей, что приезжают сюда, а потом провожать их обратно. И еще рассказывать миру истории, которые будешь наблюдать здесь.

– Не уверен, что справлюсь...

– Что ж, тогда возвращаешь мне бусину?

Чэгён крепко задумался.

– Но тогда я больше не увижу моего друга. А мне сказали, что я смогу с ним встретиться, если соберу заветные желания людей и дострою каменную пагоду.

Бабушка продолжала широко улыбаться.

Нахмуренный Чэгён тяжело вздохнул:

– У меня есть вопрос.

– Какой же?

– Если я не ошибаюсь, в деревне достаточно гораздо более энергичных людей. Но почему вы решили, что именно я подхожу на роль хранителя? Бусина досталась мне совершенно случайно, сам я никакими талантами не обладаю.

– А разве ты не знаешь?

– Нет, как-то не могу нащупать, в чем тут подвох. Видимо, волшебной бусине, раскрывающей законы Вселенной, подвластны не все земные тайны.

– В таком случае оставим пока твой вопрос без ответа. Постепенно сам поймешь.

Чэгён прикусил губу. Ему очень хотелось снова увидеть Тоёна. Но тогда ему просто необходим наделяющий необычными способностями «подарок» Хочжон. С другой стороны, у него вовсе не было желания становиться духом-покровителем этой деревни и прописаться здесь на веки вечные. Однако тогда придется отдать бусину...

– А если я возьмусь управлять деревней и из-за меня что-нибудь случится?

Чэгён даже в старосты класса никогда не рвался. И теперь ощущал, как на плечи ему легло непривычное бремя ответственности. Как люди, столетия прожившие в этой деревне, отнесутся к хранителю, который в деревне без году неделя?

– Вижу, тебе не легко решиться.

– Понимаете, дело не в том, что я позарился на драгоценную бусину. Я всего лишь хочу вернуть к жизни Тоёна. Но ведь если я приступлю к обязанностям, это будет то же самое, как если бы я устроился в компанию, откуда никогда не смогу уволиться. А это уже как-то...

– Что ж, тогда как тебе такой вариант? – перебила его старушка. Глаза ее лукаво, позмеиному, блеснули, будто бы она только этого и дождалась. – Ты пробудешь хранителем ровно до тех пор, пока не достроишь башню. А как сможешь вернуть друга с того света, отдашь

мне бусину и сообщишь имя нового преемника – того, кто, по-твоему, больше всего подойдет на роль нового хранителя. Тогда я назначу тебе замену.

– Другими словами, берете меня как временного работника по контракту?

«Кажется, все изначально шло именно к этому!» – догадался Чэгён. От такого заманчивого предложения отказаться было невозможно. И пока этот шанс не ускользнул, тут же поторопился добавить:

– Тогда я согласен. Попробую!

– Ну вот и отлично, – рассмеялась старушка. – Тогда не будем терять время. Приступайте к обязанностям с сегодняшнего дня. Для начала навестите хозяев магазинов и лавок, поздоровайтесь со всеми.

– Прямо сейчас? А вы... не можете пойти со мной?

– К сожалению, я уже слишком ослабла и должна погрузиться в долгий сон. Что-то вроде зимней спячки, только длится чуть дольше. Все, что тебе нужно знать, сообщит драгоценная бусина, но, если вдруг понадобится помощь, приходи ко мне.

– Хорошо, так и поступлю.

Едва Чэгён ответил ей, старушка широко зевнула:

– Ох, как же хочется спать. Старики вообще много спят. Думаю, мне пора.

– Конечно, я провожу вас!

Добившись своего, старушка засобиравшись на выход. Животные тут же последовали за своей хозяйкой. Протиснувшись сквозь узкую дверь, лесные жители вереницей стали спускаться по лестнице, и выглядело это захватывающе. Новый хранитель деревни поторопился за ними.

– Чэгён...

– Да?

Старушка впервые обратилась к нему по имени и, взяв его ладони, погладила их.

– На этот раз попробуй пожить в радость. Моей жизнью.

– Что? А, да, конечно!

– Позаботься о деревне Мокхва.

В ту же секунду старушка исчезла. Вместо нее на дороге сидела и моргала крупная жаба. Она прыгнула на голову подошедшему к ней медведю, и тот, покачиваясь из стороны в сторону, медленно направился в гору. Остальные животные последовали за ними. А над пиком Судьбы уже забрезжил рассвет.

«Это же не сон?» Стоя в пустом переулке и все еще до конца не веря, Чэгён ущипнул себя за предплечье. Ответом стала не только боль, но и гладкая бусинка, что по-прежнему перекачивалась под языком. Да и странное ощущение, будто вся эта большая деревня – продолжение его самого, не пропадало.

– Тоён! – позвал он в тишине пустой улицы.

Ответа не было. Но теперь это Чэгёна не расстроило. Ведь друг где-то там, в далеком будущем, ждет его. А это значит, что он медленно, но верно приближается к нему.

– Скоро мы обязательно встретимся, – прошептал Чэгён, поднимаясь по лестнице, ведущей к дому «Весна», который уже осветили рассветные лучи.

Родители Тоёна забрали лишь пару вещей на память о сыне, прочие отдали Чэгёну. Возможно, те предметы были им дороги, но все же это лишь жалкие крохи жизни Тоёна.

Настоящая его жизнь осталась здесь.

Чэгён собрал разложенные вещи друга и отнес их в его комнату. Квартира заметно опустела.

Затем Чэгён открыл запиханную в угол сумку со своей одеждой и достал оттуда потрепанные спортивные штаны синего цвета. От этой одежды уже не пахло, как от Тоёна. Переодевшись в штаны и старые шлепанцы, он медленно вышел из дома.

– Доброе утро! – приветствовала его хозяйка парикмахерской, расположенной на одной из ближайших улочек вниз по горе.

Вскоре волосы Чэгёна коротко остригли, и из зеркала на него глядел уже он сам, ни капли не похожий на Тоёна.

– Извините, Сонха? – расплатившись, обратился Чэгён к хозяйке салона. Ее имя будто бы само возникло в голове. – С сегодняшнего дня я хранитель этой деревни. Буду рад сотрудничеству!

Выпалив это, Чэгён смутился и машинально почесал остриженный затылок. Сонха улыбнулась и тут же замотала головой, пытаясь отказать от оплаты. Но Чэгён все же приложил карту к терминалу и выскочил на улицу. Наконец-то он стал самим собой.

Начав с парикмахерской, Чэгён прошелся по всем местным заведениям, чтобы поприветствовать владельцев и сообщить им о своем назначении. Все по-разному отреагировали на эту новость, но при этом показались Чэгёну приятными людьми. Хоть и выглядели, мягко говоря, необычно.

«Кажется, достроить башню займет не так уж много времени», – радостно подумал Чэгён, обходя деревню. Ведь местные заведения держали невиданные существа, словно выпешдшие из легенд и сказок: от ведьм, инопланетян, роботов с развитым искусственным интеллектом до имуги⁴, вампиров и русалок. Все они работали с клиентами, скрывая свою истинную сущность, и если бы не дарующая волшебное зрение бусина, Чэгён никогда бы не догадался, кто же они на самом деле.

Само собой, Чэгён сразу же стал присматриваться, кто подойдет на роль следующего хранителя деревни. Он проходил весь день, не ощущая боли в ногах. Казалось, он попал в потусторонний мир и гулял по нему, словно по парку развлечений с разодетыми в костюмы актерами. Ему так не терпелось рассказать обо всем этом Тоёну.

«Подожди еще немного! Я быстро дострою пагоду и приду!»

Чэгён ускорил шаг. Вокруг него кипела жизнь. Ни о чем не подозревающие жители деревни продолжали заниматься повседневными делами.

Главное очарование жизни в том, что мы не можем предсказать будущее. Время пролетело стремительно, и вот прошло уже три года с тех пор, как Чэгён вступил в должность управляющего деревней.

Стоя на крыше «Весны», Чэгён с горькой усмешкой выдохнул сигаретный дым.

– Оказалось, людские желания не так-то просто собрать...

Можно было даже не считать, сколько желаний набралось за эти три года. Потому что все, что он собрал, – это одно жалкое желание, полученное им один год семь месяцев две недели и четыре дня назад.

– Кажись, я крупно вляпался.

Если так пойдет и дальше, ему грозило застрять в этой деревне навсегда. Только теперь он начал понимать, почему Хочжон за тысячу лет так и не закончила строительство каменной башни. Чэгён потушил окуроч в пепельнице и спустился в квартиру 302. Внутри царил беспорядок. Жить чисто и опрятно умел только Тоён.

Чэгён скинул с ног шлепанцы и открыл дверь в комнату друга. В аккуратно прибранном пространстве все еще витал запах Тоёна. Аромат его вещей и жизни, которую он создал вокруг себя. Чэгён вздохнул и невольно улыбнулся.

– Скоро приду, – сказал он.

– Возвращайся, – улыбнулся Тоён.

⁴ Имуги (кор. ###) – водяной змей из корейской мифологии, который из-за проклятия не смог стать драконом.

Глава 3

Чайный домик Анжелы

Наступил новый день.

– Б!-а-ах, – смачно зевнул Чэгён, почесал живот и отправился в ванную комнату.

Его упрямые волосы торчали в разные стороны, как иглы дикобраза, а опухшие веки напоминали толстые гамбургеры. Из зеркала на него взглянула жалкая физиономия безработного парня.

– Эх... – вздохнул он первый раз за день и вышел из ванной.

В раковине лежала гора посуды, вокруг которой роились плодовые мушки. Он вздохнул во второй раз. За окном стоял полдень. Когда он в последний раз просыпался раньше обеда?

Чэгён вздохнул в третий раз:

– Чем бы сегодня заняться?

Он присел на край кровати и уставился в пустоту. В доме царил тишина, которую нарушало лишь дребезжание холодильника.

Чэгён немного поморгал и принял решение:

– Что ж, сходим в душ.

Вскоре Чэгён уже вышел из квартиры 302 в привычном синем спортивном костюме, шлепанцах и белой футболке. Классический безработный на выгуле. Соседка из квартиры 301, Сон Тхэён, как раз поднималась по лестнице на третий этаж.

– Доброе утро.

– Здравствуйте.

– Уже с работы? – буднично поинтересовался Чэгён. Но Тхэён помотала головой:

– Пока закрыла магазин и забежала кое-что забрать.

– Понятно. Хорошего вам дня.

И Чэгён поспешил вниз по лестнице. Сначала он пробежал мимо оклеенных листовками квартир 201 и 202, а затем мимо чистых дверей 101-й и 102-й.

Выйдя на улицу, Чэгён погладил себя по голодному животу. Может, сначала поесть? Он бродил по торговым рядам, выбирая между освежающим острым супом из говяжьих костей и навевающим ностальгию комплексным обедом со свиной отбивной.

Вдруг почувствовав что-то, Чэгён остановился и повернул голову. Рядом, за одной из витрин, стояла бледная фигура и испытующе глядела прямо на него.

Вздрогнув от неожиданности, Чэгён наконец уловил терпкий, ни на что не похожий аромат чая. Витрина принадлежала заведению под названием «Чайный дом Анжелы», а пристально глядящей на него фигурой оказалась владелица чайной Чхве Кённан.

– Надо поговорить, – произнесла она одними губами и указала рукой в сторону примыкающей к заведению узкой улочки, как бы намекая: «Подойди к черному входу».

Сунув руки в карманы спортивных штанов и уже предчувствуя проблемы, Чэгён медленно завернул за угол.

– Ну что еще стряслось?

– Я так больше не могу! – застонала Кённан, схватив Чэгёна, едва тот подошел к двери.

Длинные, черные как чернила лоснящиеся волосы, бледная, словно фарфор, кожа и алые губы. Лишь эти три цвета украшали Кённан – единственную в мире ведьму и по совместительству владелицу местного чайного дома. И эта ведьма ныла и вешалась на Чэгёна, как неуравновешенная пятнадцатилетняя девчонка.

– Объясните нормально, в чем дело.

– Помнишь, я рассказывала о том клиенте?

– Ким Инха из 101-й?

– Да-да. Нельзя ли передать его кому-то другому? Например, Пипи или... Точно, Тами! С Тами они найдут общий язык, она же такая приветливая! Может, ты как-нибудь осторожно поговоришь с ним...

Работая в чайном доме, Чхве Кённан должна была предоставлять гостям уникальный опыт и раздавать ценные советы. Но в последнее время она испытывала трудности из-за одного-единственного постоянного клиента. Им был грубоватый и необщительный Ким Инха, живущий в квартире 101 жилого дома «Весна». В последнее время Инха каждый вечер заходил в «Чайный дом Анжелы».

– Ну а в чем проблема?

– Из него же ни слова не вытянешь!

– Бывает, что поделаешь. В этот раз почти все новые жильцы «Весны» не сильно разговорчивые...

– Нет, ты не понимаешь. Он не просто мало говорит, он вообще, аб-со-лют-но не открывает рта!

Кённан закрыла лицо руками.

– Чэгён, я думаю, управлять чайной – все-таки не мое. Кого я смогу излечить, если от одного клиента в таком смятении! Ох, наставница Анжела, слышите ли вы меня? Простите, что такая, как я, возжелала стать ведьмой!

– Опять преувеличиваете. То есть вы уже пообщались?

– Да. Вечером в чайной никого, кроме него, нет. Так что я несколько раз подходила и заводила разговор. Но в итоге он ни разу так и не признался, что же гложет его на самом деле. Только переводит тему на какую-то ерунду! – всхлипнула Кённан и продолжила: – У меня впервые в жизни такой клиент. Все-таки лучше будет передать его Тами. Я сама ей скажу, а ты, Чэгён, поговори с Инха. Намекни ему заглянуть к Тами, хорошо? Ты же понимаешь, о чем я? Он как раз сейчас внутри. Зайди и как бы невзначай подсядь к нему, а потом...

– Не буду я к нему подсаживаться. Я его почти не знаю! Мне вообще трудно заводить разговор с незнакомцами.

– Но не выгонять же мне его?

– Просто улучите момент, подберите к нему ключик и найдите нужные слова. Вы же ведьма!

– Ну Чэгён, не могу я, не могу. Здесь я бессильна, лучше сдамся. Ты все поймешь, когда увидишь его своими глазами. Инха действительно страдает. Не знаю, что у него стряслось, но такое ощущение, будто он стоит на краю пропасти.

Обхватив себя руками, Кённан опустила глаза:

– Я как будто пытаюсь приклеить пластырь на обильно кровоточащую рану. Парнишке наверняка ужасно больно, но он и виду не подаст! Каков, а? Не могу же я просто молча наблюдать за этим? Жалко. Он ведь еще так молод...

– Хм... – протянул Чэгён, потирая подбородок. – Пускай он лучше остается под вашим присмотром. Не часто встретишь «лекаря», который так беспокоится о пациенте. К тому же Инха из 101-й, похоже, тянет именно сюда.

– А я о чем! Ему, видимо, нравится моя чайная. Но мне-то что прикажешь делать? Не уверена, что могу ему помочь.

– Если вам нужен мой совет, то, как хранитель с трехлетним стажем, скажу вот что: наберитесь смелости. Вы же до сих пор отлично справлялись со своей работой. Не слишком ли переживаете? И если уж говорить о том, чего, как мне кажется, не хватает...

– Чего?

Погрузившись в мысли, Чэгён выдержал паузу. Суетливая Кённан, не в силах ждать, поторопила его:

– Ну же?! Чего мне не хватает?

– Нужно вовремя произнести мудрую мысль.

– Мудрую мысль? О чем ты?

– Меткий, пронизательный комментарий, вскрывающий суть проблемы! Слова, которые помогут клиенту мгновенно что-то осознать! Есть же такое распространенное клише. И мне кажется, сейчас не хватает именно этого.

Уголки губ Кённан нервно дернулись, будто она до конца не верила, что дело именно в этом.

Чэгён почесал затылок и робко уточнил:

– Ну теперь-то я могу пойти поесть?

Проводив Чэгёна, Кённан аккуратно прикрыла заднюю дверь и вернулась за кассу. Инха тихо попивал чай в дальнем углу. Тайком бросив взгляд на затылок клиента, Кённан задумалась о словах хранителя.

«Значит, мудрое изречение...»

Если подумать, не обязательно знать в деталях, что там у человека случилось, чтобы дать ему дельный совет. Настоящая ведьма насквозь видит сердце человека и может что-то подсказать, не выведывая подробностей. Разве не так всегда поступала уже покинувшая мир наставница Анжела? Без лишних вопросов замечая тревоги и находя нужные слова.

«Я смогу! Все получится!»

В этот момент Ким Инха поднялся и подошел к кассе, возвращая деревянный поднос с пустым чайником и чашкой.

Набравшись смелости, Кённан обратилась к нему:

– Уже уходите?

– Да, рассчитайте меня...

Едва юноша поставил поднос на стол, Кённан ловко схватила его за запястье и посмотрела прямо в глаза:

– Инха...

Услышав свое имя, тот вздрогнул.

– Будешь убегать от проблем, они все равно тебя догонят.

В ее твердом голосе чувствовалась сила. Инха сглотнул.

– Так что остановись и взгляни в лицо правде. Иначе это никогда не закончится.

– Тот день ничем не отличался от любого другого, – вспоминал Ким Инха.

... – Алло, мам. Ты чего звонишь?

– Я буду через тридцать минут. Ты же еще не ел?

– Что? Ты едешь ко мне? Чего так внезапно?

– Инха, тут... В общем, я приеду и поговорим.

В дрожащем мамином голосе Инха расслышал тревогу. В голове тут же всплыло несколько предположений. Либо это разговор в духе «Вот приспичило тебе жить отдельно?», либо претензии по поводу его трудоустройства, либо проблемы с оплатой учебы младшего брата в университете, ну и прочее. Однако на этот раз он услышал от матери то, о чем и подумать не мог.

Это случилось в кафе у дома. Звон упавшей ложки, серьезное выражение лица матери, смех людей за столиком напротив, дрожание ладоней. Инха запомнил лишь детали этого разговора. А самое главное – мамины слова – память сохранила лишь в общих чертах. Словно он слушал их, погрузившись глубоко под воду.

В тот же день он собрал все вещи в своей съемной квартире и вернулся домой.

– Если члены семьи объединят свои силы, можно решить любые семейные проблемы, – крепко обнимая плачущую мать, заверил Инха. Его с детства хвалили за спокойствие и терпение. Поэтому он искренне верил, что справится с этим кризисом, которого «никто не ожидал».

Однако судьба не проявила к нему ни милости, ни снисхождения. Вскоре после возвращения в родительский дом наступил худший день в его жизни. Именно в тот день Инха увидел объявление о сдаче квартиры в малоэтажке «Весна» и недолго думая сбежал туда, разорвав все связи с семьей.

– А теперь тост!

– За работу и светлое будущее Пак Субина!

– За успешный выпуск из магистратуры О Чживона!

– За воспаление запястья Ким Чжуха!

– Эй-эй! Как можно пить за воспаление?!

– А, да? Тогда выпьем за выздоровление запястья!

– Ура!

– За нас!

За столом в баре собрались выпить бывшие одноклассники. Инха хотел раствориться в этом шумном веселье. Но его ладонь, нервно сжимающая телефон под столом, намочила от пота. Он отправился на встречу выпускников, чтобы хоть немного развеяться, однако давящая боль в груди никак не проходила.

– Эй, Ким Инха!

– Что?

– Вчера твоя мама звонила мне.

– Да? Ясно.

– Просила передать, чтоб ты отвечал на звонки. Что надо хоть иногда узнавать, как друг у друга дела. А еще волновалась, не заблокировал ли ты ее номер. Просила проверить, – со смехом произнес бывший одноклассник Чживон, сидевший напротив.

– Больше она ничего не сказала?

Лицо Инха вспыхнуло. Может, из-за алкоголя? Не в силах скрыть беспокойство, сам того не осознавая, он бросил пристальный взгляд на Чживона.

Сидящие рядом одноклассники тут же обернулись:

– У тебя что-то случилось?

– Нет, все нормально.

– А на лице другое написано. Давай выкладывай. Друзья для этого и нужны.

– Вот-вот. Ну, поругался с матерью?

– Если так, бывает. Я тоже со своей сегодня поцапался.

Инха приоткрыл рот, но снова закрыл его, словно рыба, хватаящая воздух. Верно. Он поссорился с мамой. И очень сильно. Поэтому ушел из дома. Почему поссорился? Мысли по цепочке тянулись одна за другой, но последняя встала комом в горле. Он так ничего и не рассказал.

«У короля ослиные уши!»⁵

⁵ Отсылка к корейской легенде о короле Кёнмуне, имеющем длинные уши, похожие на ослиные. Знал об этом лишь портной, шьющий ему особые головные уборы. Эта тайна так мучила портного, что он отправился в бамбуковый лес и прокричал ее. Ветер же разнес этот крик по всему государству. Теперь эту легенду упоминают в связи с тайнами, которые приходится хранить, несмотря на желание поделиться с кем-то этим знанием.

Опять эти галлюцинации. Услышав звенящий в ушах крик, Инха поморщился. Повисла неловкая пауза. Ему нужно было сказать хоть что-то, чтобы развеять эту гнетущую атмосферу.

– Дело в том... – ему стоило труда открыть рот, но он все-таки сделал над собой усилие, – что я ушел из дома.

– Что? Ты же говорил, что вернулся к родителям?

– Да, но после ссоры с матерью не смог там больше оставаться.

– И это тот, кто никогда не перечил маме? Из-за чего?

Впрочем, все было понятно. «Разногласия во мнениях» – это отвратительное блюдо, состряпанное из сложных историй, которое посыпали сыром и прочими добавками, чтобы сделать чуть более привлекательным. Такое же, как этот жареный рис, шкварчащий на сковороде перед ними.

– Вот это да! Ким Инха, да у тебя, похоже, еще пубертат? Ну хоть раз в жизни надо поругаться с родителями и уйти из дома.

– Вот именно! В наши дни излишнее послушание уже не считается добродетелью, как это было в древние времена. Говорят, родители будут гораздо счастливее, если их дети, обретая крепкие принципы и независимость, найдут свой путь без их помощи.

Друзья тактично перевели тему и вскоре начали бурно обсуждать какую-то шутку вроде: «Что будет, если вдруг щенок Потто, которого растит Чжуха, станет президентом».

Инха считал их отличными друзьями, внимательными и веселыми. Но именно поэтому он не мог поделиться с ними семейными проблемами. Это было своего рода слабостью. Тем, чего он стыдился и что пытался тщательно скрыть.

Инха неловко почесал руку. Интересно, он вообще имеет право сидеть тут дальше и наслаждаться выпивкой с друзьями?

Ребята собрались посмеяться и поболтать, а он все испортил. Притом что изначально не был готов выворачивать перед ними душу.

– Эй, мистер Ким, куда собрался? Дождись водителя – он довезет тебя до дома!

– Да зачем? Все в порядке. Я уже протрезвел. Тут ехать-то пять минут.

– А если тебя поймают? Ну даешь.

Из-за соседнего стола донесся спор пьяных офисных работников. Инха изо всех сил сжал кулаки и подскочил со своего места. Едва сдержав прорывающийся наружу гнев, он изобразил подобие улыбки и обратился к друзьям:

– Что-то мне нехорошо. Я пойду.

Ему хотелось поскорее уйти отсюда. Вернуться в свою тихую квартиру 101, где его никто не найдет.

Он спешно покинул бар и побрел по ночной улице. Большинство магазинов и кафе уже закрылись, улица тонула в темноте. Вдохнув свежий холодный воздух, он закашлялся. Сколько еще он сможет скрывать это? Делать вид, что все как прежде? Тайна, которую ему приходилось всюду носить в своем сердце, стала такой невыносимо тяжелой, что казалось, однажды просто раздавит его.

«Инха, понимаешь, твой папа...»

Даже наедине с самим собой он не мог произнести этого. Как бы не услышал кто. Он понял, что его мечта жить достойно, с гордо поднятой головой, разбилась вдребезги. И в этот миг новая слуховая галлюцинация ударила ему в уши: «У короля ослиные уши!»

Инха ускорил шаг. На долю секунды ему даже показалось, что кто-то преследует его. Тяжело дыша, он шагал вперед, пока не наткнулся на тусклый свет за окном какого-то кафе, работающего допоздна. Нежное тепло этого света будто потянуло его.

Инха остановился, поднял голову и прочитал вывеску, написанную старинным шрифтом: «Чайный дом Анжелы»

Отделанная как особняк в западном стиле чайная напоминала домик ведьмы из волшебной сказки. Инха не был большим любителем чая. В кафе он обычно заказывал американо. Но в этот раз, едва почуяв таинственный аромат, льющийся из-за дверей, он ощутил, как у него потекли слюнки.

Инха открыл дверь, черные петли тихонько скрипнули.

– Добро пожаловать, – услышал он, едва оказавшись на пороге.

Стоявшая за кассой хозяйка чайной бросила на него равнодушный взгляд. Что-то в ней слегка отличалось от обычных людей. Словно сошедшая со старинной картины женщина обладала пленительным обаянием и просто идеально подходила этому винтажному чайному дому.

Повсюду, испуская беловатый пар, пузырились какие-то странные жидкости. Здесь было прохладно, как в пещере, а все стены занимали книжные шкафы и полки, забитые непонятными предметами и толстыми томами книг.

Инха продолжал топтаться у порога, и хозяйка обратилась к нему:

– Садись, где удобно. Я принесу приветственный чай.

– А где опла...

– После! – подняв ладонь, резко прервала его хозяйка.

Инха присел в углу. Диванные подушки сладко пахли печеньем. Он заметил, что и интерьер, и даже манера речи владелицы чайной идеально соответствуют концепции заведения. Никогда раньше ему не доводилось бывать в таких местах, поэтому Инха чувствовал себя ужасно неловко.

– На, пей.

Не пойми откуда взявшаяся хозяйка чайной поставила перед ним чашку. Чай цвета пожелтевшей дубовой листвы источал душистый аромат.

– Ты же здесь впервые? Это поможет тебе открыть сердце, – произнесла она и строго добавила: – Будешь готов сделать заказ – звони в колокольчик.

После чего куда-то исчезла. Инха растерянно поднял чашку и осторожно, чтобы не пролить ни капли, сделал глоток. Подогретый до нужной температуры приветственный чай, казалось, действительно согрел его продрогшее сердце. Затекшие от напряжения плечи расслабились сами собой.

– Уфф... – выдохнул он.

Что это? Как будто бы на душе полегчало.

Обессиленный, Инха откинулся на подушки, и только тогда его взгляд привлекло мерцание свечи на столе, а рядом он заметил меню. Странно начертанные названия казались сложными, как формулы. Он долго всматривался в незнакомые слова, но даже спустя десять минут так и не смог определиться с выбором.

– Вот бланк для заказа.

От неожиданности Инха вздрогнул и поднял голову. Тихо подошедшая хозяйка с отсутствующим выражением лица положила на стол лист бумаги и протянула ручку.

– Если не можешь выбрать, напиши сюда чувство, которое испытываешь сейчас. Или же хочешь испытать. А я подберу подходящий чай.

– А-а, хорошо...

Подумав еще минут десять, Инха наконец написал: «Чувство, которое хочу испытать, – облегчение».

Как только он позвонил в колокольчик, появилась владелица чайной и без лишних слов забрала листок с заказом. Вскоре она вынесла набитый льдом стакан с прозрачной жидкостью, напоминающей воду. Кажется, это был слабо заваренный зеленый чай.

– Лед тоже съешь.

В маленьких кубиках льда виднелись замороженные цветочные лепестки. Как только хозяйка отошла, Инха отпил. Холодный чай едва заметно пах водорослями. Один кубик льда

проскользнул в рот, Инха перекатил его языком и прикусил зубами. Но как только он раскусил лепесток, внезапный прохладный ветер коснулся его лица. Легкие наполнились свежим воздухом.

Это не было игрой воображения. Он действительно впервые за долгое время дышал свободно, будто сбежавший из душной клетки дикий зверь, который наконец прилег в освежающей лесной тени. Тяжело дыша, Инха опустил голову. На глаза навернулись слезы и закапали на стол.

Он плакал и жевал лед, пока у него не свело зубы. Тайна, что тяжким грузом лежала на сердце, словно теряла свой вес. Как он мечтал хотя бы на мгновение ощутить это облегчение. Пускай оно исчезнет, когда он допьет, но сейчас...

С тех пор он стал завсегдатаем «Чайного дома Анжелы», где каждый вечер по пути с работы утешал себя фирменным чаем, заваренным таинственной хозяйкой чайного дома.

– Инха... – неожиданно обратилась к нему хозяйка чайной, когда он уже собирался уйти.

Он посмотрел ей в глаза и понял, что все его старания сохранить тайну в секрете оказались напрасны.

– Будешь убегать от проблем, они все равно тебя догонят.

Лицо владелицы чайной выглядело таким невозмутимым, словно она в совершенстве постигла все тайны Вселенной. Вот почему Инха не воспринял этот пронзивший тишину совет как ничего не значащую фразу, оброненную просто так.

– Так что остановись и взгляни в лицо страху. Иначе это никогда не закончится.

Замерев от потрясения, Инха принял визитку, протянутую ему. На ней он прочитал имя: Чхве Кённан. В полной растерянности он вышел на улицу и побрел домой.

Зайдя в квартиру 101, Инха присел на стул, посидел, пересел на кровать, встал и начал ходить из угла в угол, теребя телефон в руке. Спустя какое-то время он включил его и зашел в список контактов. Долистав до «Мама», он медленно выдохнул и разблокировал ее номер.

«Хозяйка чайной права. Бегство от проблем – лишь бесконечное оттягивание решения. Все это из-за отца, но не могу же я всю жизнь избегать общения с родителями. Надо позвонить маме и, пока не поздно, помириться с ней...»

Он зажмурился и большим пальцем нажал на кнопку вызова. Вскоре знакомый голос произнес:

– Аллю?

– Мам, это я.

Ким Инха решил встретиться лицом к лицу со своим страхом.

– Поехали к папе.

После встречи с отцом они сели в машину. Инха – за руль, мама – рядом.

– Значит, ты познакомился с какой-то шаманкой? – неожиданно огорошила его мама, хотя Инха рассказывал ей совершенно иное.

– Нет, она просто хозяйка чайной, – поправил он.

– Разве в чайном доме посетителям говорят такие вещи, после чего сын, который заблокировал собственную мать, берет и звонит ей?

– Это хорошее место. И десерты вкусные.

– Если знал про такое кафе, мог бы сводить меня.

«Но мы же тогда поругались», – проглотил Инха, стараясь подавить неприятные чувства, которые никуда не исчезли.

– И все-таки ты молодец. Среди детей, разорвавших связи с родителями, нет ни одного счастливого человека. А как отец был рад тебя видеть! Давай почаще навещать его. Договорились?

– Хорошо.

Двигатель машины громко взревел. Они замолчали, но вскоре мама нарушила тишину:

– Так чем ты теперь занимаешься?

– Работаю в небольшой клининговой компании «Чисто-начисто».

– Неплохое название. Платят нормально?

– Средне.

Опять повисла неловкая пауза. На этот раз Инха продолжил:

– А что? Нужны деньги?

– Нет, что ты! Уже и спросить нельзя?! – возмутилась мама.

– Я просто подумал, не трудно ли вам с Сонха заниматься доставкой.

– С доставкой покончено. Тем более со второго семестра Сонха восстанавливается в вузе, и я решила, что начну работать в маминой лапшичной. Справимся.

– Что?!

– Чего ты удивляешься?

– Я же просил тебя не работать больше у бабушки. Поэтому помог купить грузовик, чтоб ты зарабатывала сама, занимаясь доставкой. Как можно так просто все бросить?

Его бабушка владела известной лапшичной, которую не раз показывали в телепередачах. Видимо, мама собиралась устроиться туда простым разнорабочим. Однако Инха с детства насмотрелся, как несправедливо в маминой семье всегда обращались с ней. Как плевали на ее интересы.

– Послушай, бабушка все-таки моя мама. Что в этом такого? И маме, у которой дела идут в гору, помогу, и денег заработаю.

– Ты действительно не понимаешь? Вспомни время, когда я учился в университете и вам не хватило на оплату моей учебы. Вы с папой тогда устроились к бабушке, но и года не продержались! Обещанную сумму вам не заплатили, напрягли самой тяжелой работой, да еще и относились как к каким-то рабам.

– На этот раз все будет иначе. Я сразу поставила условие, что если мама не выплатит мне все почасовые как положено, то больше меня не увидит.

– Что-о? Так она и выполнила твои требования. Бабушка только и умеет, что эксплуатировать тебя. Просто ты вечно терпишь все эти издевательства и молча продолжаешь работать. Конечно, она считает тебя простушкой, которой можно крутить как хочешь! Ведь как удобно! Просто увольняешь работника, нанимаешь дочь и скидываешь на нее все, что только можно!

– Как ты можешь так выразиться? По крайней мере она очень помогла нам, когда случилась эта ситуация с твоим отцом. Я как только об этом вспомню...

– Зачем вообще отец...

Инха сжал зубы, вовремя остановив себя, пока не ляпнул грубость. Неприятные слова застряли в горле. Мама опустила стекло, и ворвавшийся в салон ветер приглушил ее ворчание.

– А где мне еще в этом возрасте найти работу? Из-за твоего отца у нас теперь нет денег, а Сонха должен учиться. Развозить товары на грузовике – слишком выматывающе. Ты знаешь, что я скинула целых пять килограмм? Сколько пыталась привести себя в форму тренировками, и все никак. А тут потаскала тяжелые коробки – и на тебе.

– Но ведь можно попросить у меня. Я же сказал, что одолжу! Отдам все, что накопил.

– Да какие у тебя могут водиться деньги? Не надо.

– Мама!

– Смотри на дорогу.

Раздражение бурлило внутри. Порой Инха удивлялся, почему так происходит? Будь это чья-то еще проблема, он бы не позволил себе таких эмоций. Но любой разговор с мамой поднимал в нем бурю гнева. Даже если они просто пытались помочь друг другу, все это выливалось в ссору. Перед матерью все его терпение, выдержка и самообладание исчезали без следа.

Он вдруг вспомнил вкус чая, который пил в «Чайном доме Анжелы». Он мгновенно умирил его тревогу. Теперь же Инха, сжимая руль, мысленно без конца повторял: «Не убегать от проблем! Смотреть им в лицо!..»

Если бы только отец не заварил этой каши.

«У короля ослиные уши!»

Если бы только не отец!

«У короля ослиные уши!»

Запятанные глубоко в сердце слова вырвались наружу. Обида и гнев хлынули, словно прорвавшаяся плотина, и Инха уже не мог себя остановить.

В конце концов они разругались в пух и прах, крича и припоминая друг другу самые неприятные вещи, целясь в самые уязвимые места. Оба горько плакали. Ведь они были семьей, а потому лучше, чем кто бы то ни был, знали слабые места друг друга.

С разболевшимся от криков горлом Инха подъехал к родительскому дому. Удивительно, как он не попал в аварию по дороге. Мама вышла из машины, но Инха остался внутри.

– Пойдем, – позвала его мать.

– Я поеду домой.

– А здесь не дом?

– Я поеду *к себе* домой.

– Уже поздно. Ночью опасно садиться за руль. Я разбужу тебя пораньше, переночуй и поезжай.

Инха держал голову прямо, даже не бросив взгляд в мамину сторону. Затем он молча завел машину и тронулся, стараясь не обращать внимания на отражение матери в боковом зеркале. Ладони горели. Казалось, ему нож всадили в сердце.

«Чтоб я еще раз сюда приехал!»

Стиснув зубы, Инха помчался по скоростной автомагистрали. Тело так трясло от ярости, что он то и дело сдерживал порыв на полной скорости направить машину в ограждение. Брошенные друг другу в пылу ссоры слова крутились в голове. Он хотел выкинуть их из памяти, но ничего не получалось.

– Я и без того собирался переночевать. Так и хотел, но...

Просто не смог оставаться в одном помещении с матерью. В горле запершило, и он прервал себя на полуслове. Неужели его отношения с мамой обречены? В отчаянии Инха громко заорал. Прооравшись в пустой машине, он ненадолго успокоился, а затем снова расплакался, поддавшись эмоциям. Крепкая опора под названием «семья», которая должна была поддерживать в трудную минуту, больше для него не существовала. Он остался совершенно один. Потому что теперь чужие люди казались ему даже ближе членов семьи.

Когда он прибыл в деревню, та встретила его глубокой темнотой пустых улиц. Придорожные фонари и проступающие во тьме здания, казалось, нависли над ним и с осуждением вопрошали: «Как мог ты так грубо разговаривать с матерью? Этим ты отплатил ей за воспитание, неблагодарный паршивец?!»

«Нет, я должен был ей это высказать. Я ни в чем не виноват. Я все сделал правильно».

Но если все правильно, почему стало только хуже? Не найдя внутри себя ответа, он бежал от проблем домой. Если бы Инха мог, то укрылся бы в стране сновидений, но уснуть не получалось. Злость, стыд и раскаяние по-прежнему клочкотали внутри. Одиночество и пустота. Темнота без единого просвета.

Он схватил телефон. Пробежался глазами по именам друзей в списке контактов.

«Нет. Их я не могу посвятить в дела семьи».

Инха присел на край кровати и уронил лицо в ладони. Слезы застилали глаза, но тут он заметил на полу визитку. Ту самую, которую получил в «Чайном доме Анжелы», и, сунув в карман, благополучно забыл о ней. Видимо, она выпала, когда он полез за телефоном. Как утопающий, что хватается за соломинку, Инха набрал указанный номер.

Из трубки донеслись гудки и наконец прозвучал голос хозяйки чайной:

– Слушаю.

Глубокой ночью телефон Кённан неожиданно затрезвонил. Номер был незнакомый. Обычно никто не звонил ей в такое время. Немного поколебавшись, Кённан ответила на звонок и тут же услышала, как на другом конце провода кто-то всхлипывает, с трудом сдерживая слезы.

– Слушаю.

– Из... извините...

Дрожащий голос принадлежал Ким Инха.

– Вы... еще не закрылись?

От удивления Кённан поначалу не нашлась, что ответить. Нехорошее предчувствие заставило ее окаменеть. Не дождавшись ответа, Инха начал судорожно оправдываться. Было ясно, что он на пределе эмоций, но изо всех сил пытается казаться спокойным, борясь с дрожью в голосе.

– Понимаете, у меня кое-что произошло. Но мне абсолютно не с кем этим поделиться. Извините. Я просто... Мне нужно, чтобы кто-нибудь выслушал, только и всего...

Он очень старался говорить легко и непринужденно, но в голосе его чувствовалось отчаяние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.